

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов

Черкесы*

I

Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря блистая угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.
И серый волк бежит чрез горы;
Его свирепо блещут взоры.
В тени развесистых дубов
Влезает он в свою берлогу.
За ним бежит через дорогу
С ружьем охотник, пара псов
На сворах рвутся с нетерпенья;
Всё тихо; и в глуши лесов
Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле как тень сидит
Полночный ворон и кричит.
Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

II

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блещит;
Лишь на сухих скалах травую
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копья острые блещат;
Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

III

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,
Въезжают несколько людей;
Обкинув всё кругом очами,
Они слезают с лошадей.
На каждом шашка, за плечами
Ружье заряжено висит,
Два пистолета, борзые кони;
По бурке на седле лежит.
Огонь черкесы зажигают.
И все садятся тут кругом;

Привязанные к деревьям
В лесу кони траву щипают,
Клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.

IV

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вокруг него сидят;
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры
Иль наостряют стрелы быстры.
Кругом всё тихо, всё молчит.
Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти – смерти славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу, иль мне не жить».

V

«Вчера я спал под холодной мглой,
И вдруг увидел будто брата,
Что он стоял передо мной –
И мне сказал: минуты трата
И я погиб, – спаси меня;
Но призрак легкий вдруг сокрылся;
С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
И вот ищу и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень
Меня звала, и я старался
Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь клянусь Магометом,
Клянусь, клянусь целым светом!..
Настал неизбежный час,
Для русских смерть или мученье,
Иль мне взглянуть последний раз
На ярко солнца восхожденье».
Умолкнул князь. И все трикратно
Повторили его слова:
«Погибнуть русским невозвратно,
Иль с тела свалится глава».

VI

Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Всё утром дышит; ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздывает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье

Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блеснит,
Смущая тишину паденьем.
Но вот приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылись в тени густой.

VII

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роще ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен громкий
Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде*
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать идет;
Там тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют*
Иль идут войско посмотреть
В большую крепость. – Но чернеть
Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветер бежал через кусты.

VIII

Уж войско хочет расходиться
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.
Вдали густая пыль клубится.
И видят, кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: «Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами
Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался».

IX

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мягутся, строятся, делятся;
Ворота крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу
Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают;
Ряды как львы перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.

Здесь бурный конь с копьём вонзенным,
Вскочивши на дыбы, заржал;
Сквозь русские ряды несется;
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

X

Пушек гром везде грохочет;*
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хочет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Триkrát сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мечет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет;
Удар несется роковой.
Стрела блещит, свистит, мелькает,
И в миг казака убивает.
Но вдруг толпою окружен,
Копьями острыми пронзен.
Князь сам от раны издыхает;
Падет с коня – и все бегут,
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
По-малу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденны мчатся,
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона*
Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.

XI

Утихло всё: лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,*
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, и над рекой
Маяк блещит, и сторож бродит;
В окружность быстрым оком смотрит;
И на плече ружье несет.

Лишь только слышно: кто идет,
Лишь громко слушай раздаётся;
Лишь только редко пронесётся
Лихой казак чрез русский стан.
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженьи,
Иль крикнет вдруг в уединеньи
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.
Кавказский пленник*

Часть первая

Genieße und leide! Du lde und entbehre! Liebe, hoff' und glaube!

Сonz. [1]

I
В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднею порою
Сидят – о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренными селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, вясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.
Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

II
Меж тем черкешенки младые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят – но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Там Терек издали крутит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег; лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

III
Лежал ковер цветов узорный
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный
И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбежались,
Водю чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;
И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой
Сидели резвою толпой;

И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV

Последний солнца луч златой
На льдах серебристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

. . . .

Уж раздалось мычанье стад
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад...
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники молодые,
Утратив годы золотые,
В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада,
Воспоминая то, что было,
И что не будет никогда!
Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец,
И как оно мечтою стало!..
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось всё как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.
Несчастные! в чужом краю!
Исчезли сердца упованьи;
В одних слезах, в одном страданьи
Отраду зрят они свою.

V

Надежды нет им возвратиться;
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. – Они душой
Тонули в думе роковой.

. . . .

Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;
Они усталыми шагами
Идут домой. – Лай верных псов
Не раздавался вокруг аула;
Природа шумная уснула;
Лишь слышен дев издалика
Напев унылый. – Вторят горы,
И нежен он, как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:

Песня

1

Как сильной грозю
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелою,
Как лев заревет;
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную,
И в горы уйдет.

2

Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни варвар смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет

Кинжал роковой.
Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них.
И сердце в грусти страшно ныло..
Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. – Меж них огонь трещит;
Но не смыкает сон их взора,
Не могут горесть дня забыть.
VI

Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.
Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках черных
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

VII
Он понуждал рукой могучей
Коня, приталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника <с> собой.
Гирей приблизился – веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес прыгнул, – рукою ловкой
Разрезывал канат; – но он
Лежал на камне – смертный сон
Летал над юной головою..
. . .

Черкесы скачут уж – как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

VIII
От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь..
. . .

И бледный лик, в крови омытый,
Горел в щеках – он чуть дышал,
И смертным холодом облитый,
Протягшись на траве лежал.

IX
Уж полдень, прямо над аулом,
На светлосиней высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливались с протяжным гулом
Стадов черкесских – по холмам
Дыханье ветерков проворных
И ропот ручейков нагорных
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины
Обложен степенями гор
Расцвел узорчатый ковер;

Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склоняюсь к молодой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить
(Но ах! утраченного счастья
Никто не мог уж возвратить).

. . .

Вот он вздохнувши приподнялся,
И взор его уж открывался!
Вот он взглянул!.. затрепетал.
...Он с незабытыми друзьями! –
Он, вспыхнув, загремел цепями.
Ужасный звук всё, всё сказал!!.
Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал,
И горько плакал и рыдал.

X

Счастливы еще: его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет
Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать как прежде
Минутной радости в надежде;
Пусть не живет тот на земли.

XI

Так пленник мой с родной страной
Почти навек: прости сказал!
Терзался прошлой мечтою,
Ее места воспоминал:
Где он провел златую младость,
Где испытал и жизни сладость,
Где много милого любил,
Где знал веселье и страданья,
Где он, несчастный, погубил
Святые сердца упованья...

. . .

XII
Он слышал слово «навсегда!»
И обреченный тяжкой долей,
Почти дружил с неволей.
С товарищами иногда
Он пас черкесские стада.
Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежно блестят,
Как ими кроются долины;
Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роят,
Текут среди дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые;
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склоняясь на копья боевые. –
Ах! как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

XIII

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой

Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. – Лежали
В тени другие пастухи,
В кустах, в траве и близ реки,
В которой жажду утоляли..
И там-то пленник мой глядит:
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг, – и вновь
Их с криком кверху поднимает..
Так! думал он, я жертва та,
Котора в пищу им взята.

XIV

Смотрел он также, как кустами,
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,
По камням острым, по кремням,
Летят, стремнины презирая..
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал не шевелясь внимают –
И вдруг внезапно исчезают,
Взвивая вверх песок и прах.

XV

Смотрел, как горцы мчатся к бою
Иль скачут смело над рекою;
Остановились, – лошадей
Толкают смелою ногою..
И вдруг, припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят – и снова поскакав,
С утеса падают стремглав
И..

...шумно в брызгах исчезают –
Потом плывут, и достигают
Уже противных берегов,
Они уж там, и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают..
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седую пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Вострепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут..
И, скрытые ночным туманом,
Оковы, смерть вам нанесут.

XVI

И часто, отгоняя сон,
В глухую полночь смотрит он,
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке,
Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег,
На пне пред ним висят кругом
Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает..
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!

Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой!..
Казак! казак! увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

XVII

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он
Лежит в ауле – тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами – вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил;
Пустился он в край неизвестный,
И... всё в краю том погубил.

Часть вторая

XVIII

Однажды, погружась в мечтанье,
Сидел он позднью порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий, бледный
Лежал на зелени холмов,
И тени шаткие дерев
Как призраки на крыше бедной
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея он в лампаде медной
Чуть освещал большой забор...
Всё спит: холмы, река и бор.

XIX

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Всё ближе... ближе... через ров
Идет бредучею стопою?..
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный
И знаком ей благодарил.

XX

И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не всё ты погубил».
И вздох не тяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;
Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдруг в дали тенистой,
Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,

И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед – она сокрылась.
Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такою жалостью склонилась –
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.

XXI

Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто всё молчал,
Словам печальным не внимал;
Ах! сердце полное волнений
Чуждалось новых впечатлений;
Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?
Не мог он прежде забыть...
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страдании немом,
И как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось!..
Оно и в шуме, и в тиши
Тревожит сон его души.

XXII

Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милый.
В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил всё – ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! несчастный,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный, потухает
На освященном алтаре!!!

XXIII

Не понял он ее стремленья,
Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменьи...

. . .

Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И сон от очей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

XXIV

Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою –
Как воеет полночью сова.
Сквозь листья дождик пробирался;
Вдали на тучах гром катался;
Блестая, молния струей
Пещеру темну озаряла,
Где пленник бедный мой лежал,
Он весь промок и весь дрожал...

. . .

Гроза по-малу утихала;
Лишь капала вода с дерев;

Кой-где потоки меж холмов
Струею мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет.
XXV

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой серебристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... с кинжалом и пилой; –
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..
Ах, нет! наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известный;
Очнулся пленник как от сна,
И в глубине пещеры тесной
Садятся... долго они там
Не смели воли дать словам..
Вдруг дева шагом осторожным
К нему вздохнувши подошла;
И руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятежным,
Слова печальны начала:

XXVI

«Ах! русский! русский! что с тобою!
Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв..
Еще имеешь в свете друга –
Еще не всё ты потерял..
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»
Но пленник сердца своего
Не мог открыть в тоске глубокой,
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...

«Так, русский, ты спасен! но прежде
Скажи мне: житьиль умереть?!!
Скажи, забыть ли о надежде?..
Иль слезыэти утереть?»

XXVII

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них как светлая роса:
«Ах нет! оставь восторг свой нежный,
Спасти меня не льстись надеждой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бранных,

Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадается
Блистая цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так рыдая говорит:

XXVIII

«Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости! навек!.. Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда...
Тогда!.. быть может, уж могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть может... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!..»
И девы бледные ланиты,
Почти потухшие глаза,
Смущенный лик, тоской убитый,
Не освежит одна слеза!..
И только рвутся вопли муки...
Она берет его за руки
И в поле темное спешит,
Где чрез утесы путь лежит.

XXIX

Идут, идут; остановились,
Вздыхнув, назад оборотились;
Но роковой ударил час...
Раздался выстрел – и как раз
Мой пленник падает. Не муку,
Но смерть изображает взор;
Кладет на сердце тихо руку...
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг,
Обеих вдруг сразила их.

. . .
XXX

Но очи русского смыкает
Уж смерть холодною рукой;
Он вздох последний испускает,
И он уж там – и кровь рекой
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал блестя лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

XXXI

Меж тем черкес, с улыбкой злобной,
Выходит из глуши дерев.
И волку хищному подобный,
Бросает взор... стоит... без слов,
Ногою гордой попирает
Убитого... увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

XXXII

Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.

Черкешенка! где, где твой друг...

Его уж нет.

□□□□Она слезами

Не может ужас выражать,

Не может крови оmyвать.

И взор ее как бы безумный

Порыв любви изобразил;

Она страдала. Ветер шумный

Свистя покров ее клубил!..

Встает... и скорыми шагами

Пошла с потупленной главой,

Через поляну – за холмами

Сокрылась вдруг в тени ночной.

XXXIII

Она уж к Тереку подходит;

Увы, зачем, зачем она

Так робко взором вокруг обводит,

Ужасной грустию полна?..

И долго на бегущи волны

Она глядит. И взор безмолвный

Блестит звездой в полночной тьме.

Она на каменной скале:

«О, русский! русский!!!» – восклицает,

Плеснули волны при луне,

Об берег брызнули оне!..

И дева с шумом исчезает.

Покров лишь белый выплывает,

Несется по глухим волнам:

Остаток грустный и печальный

Плывет, как саван погребальный,

И скрылся к каменным скалам.

XXXIV

Но кто убийца их жестокой?

Он был с седою бородой;

Не видя девы черноокой,

Сокрылся он в глуши лесной.

Увы! то был отец несчастный!

Быть может, он ее сгубил;

И тот свинец его опасный

Дочь вместе с пленником убил?

Не знает он, она сокрылась,

И с ночи той уж не явилась.

Черкес! где дочь твоя? глядишь.

Но уж ее не возвратишь!!.

XXXV

Поутру труп оледенелый

Нашли на пенистых брегах.

Он хладен был, окостенелый;

Казалось, на ее устах

Остался голос прежней муки;

Казалось, жалостные звуки

Еще не смолкли на губах;

Узнали все. Но поздно было!

– Отец! убийца ты ее;

Где упование твое?

Терзайся век! живи уныло!..

Ее уж нет. – И за тобой

Повсюду призрак роковой.

Кто гроб ее тебе укажет?

Беги! ищи ее везде!!!..

«Где дочь моя?» и отзыв скажет:

□□□□□Где?..

Корсар*

Longtemps il eut le sort prospère Dans ce métier si dangereux. Las! il devient trop téméraire Pour avoir été trop heureux.

La Harpe. [2]

ЧАСТЬ I

Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло всё!.. одни страданья
Еще горят в душе моей.

* * *

Я не видал своих родимых, –
Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда всё спит во тьме ночной,
Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! – не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

* * *

Мой умер брат! – перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел. Ах! – я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной муки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! – страшным восклицаньем
Сражен я вдруг был с содроганьем,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

* * *

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда – и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я всё переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенной любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумии глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелкал,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашел измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я – угрюмой
Душа моя смутилась думой;

Не могли более страдать,
Я вдруг решился убежать.

* * *

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем дому глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощальный
На место бросить то – где я
Так долго жил в тиши безвестной,
Где жизни тень всегда прелестной
Беспечно встретила меня.
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

* * *

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я озарен луною..
Ах! – как она томна, бледна,
Лила лучи свои златые
С небес на рощи береговые.
Везде знакомые места,
Всё мне напоминало младость,
Всё говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той могилой,
Где прах лежал столь сердцу милый.
Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчаньи
Стоял над камнем гробовым..
Казалось, веяло в страданьи
Каким-то холодом сырым.

* * *

Потом... неверными шагами
Я удалился – но за мной,
Казалось, тень везде бежала..
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень..
Но встал, пошел к брегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел –
(В душе сменялося мечтанье) –
Ярчее дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он прекрасный, величавый
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на берег безмолвный

Я вышел. Всё в душе моей
Мutilось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей,
«Прости, отчизна золотая! –
Сказал, – быть может, в этот раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час
Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...

* * *

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною:
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один как сирота,
Не смея ввериться как прежде
Всё изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пуста –
Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил – день уходил;
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Востока,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от Рока! –
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти всё то, что я любил.

ЧАСТЬ II

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.
Венчанный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный чолн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между кустами
Изрезан узкими тропами.
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами
Как бы на лебеда крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет
Чрез поле черной полосою.
(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волнении,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдалении
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоении
Фракиец храбрый пировал;
Теперь всё пусто. Воспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен

Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,
И дышит всё здесь стариной,
Минувшей славой и войной.
Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный –
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях летать, –
И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Вспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких –
(Любить кого, не находил),
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу младость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

* * *

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня.
Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж островами,
Цветущими над влажным дном
Святого старца-океана;
Я видел их. Но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть – всё за одно!!!

* * *

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Всё, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне: воды,
Поля, леса, луга, холмы,
И все, все прелести природы..
Но! – так себе неверны мы!! –
Живем, томимся и желаем,
А получивши забываем
О том. – Уже предмет другой
Играет в нашем воображеньи
И – в непрерывном так томленьи
Мы тратим жизнь, о боже мой!

* * *

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой
Как в море был в степи сухой.

* * *

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда всё спит, то мы одне
При полной в облаках луне
В пещере темной припевая
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая...
Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли
Какой-то гордостию полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

* * *

Я часто храбрый, кровожадный
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда вспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной всё исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

ЧАСТЬ III

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалика,
И гнал стоная вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет

Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг треща вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь гром.
Вдруг слышен выстрел отдаленный,
Блеснул фонарь как бы зажженный
На мачте в мрачной глубине...
И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось,
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Всё различить мне было трудно.
Предавшись глухим волнам,
Они на помощь призывали,
Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!»
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит – и с шумом утопает.
* * *

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал,
Лишь изредка волна вздымалась,
Как бы гора, и опускалась.

. . .
. . .
Всё смолкло! Вдруг корабль волной
Был брошен к мели береговой.
* * *

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Вспоминала. Томный взор
Чернее тьмы, ярче света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда блистая

Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце есть),
Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.
Преступник*

Повесть

«Скажи нам, атаман честной,
Как жил ты в стороне родной,
Чай, прежний жар в тебе и ныне
Не остывает от годов.
Здесь под дубочком ты в пустыне
Потетишь добрых молодцов!»
«Отец мой, век свой доживая,
Был на второй жене женат;
Она красotka молодая,
Он был и знатен и богат...
Перетерпевши лет удары,
Когда захочет сокол старый
Подругу молодую взять,
Так он не думает, не чует,
Что после будет проклинать.
Он всё голубит, всё милует;
К нему ласкается она,
Его хранит в минуту сна.
Но вдруг увидела другого,
Не старого, а молодого.
Лишь первая приходит ночь,
Она без всякого зазренья
Клевком лишит супруга зренья
И от гнезда уж мчится прочь!
. . .

«Пиры, веселья забывая
И златоструйное вино,
И дом, где, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Как часто я чело покоил
В коленах мачехи моей,
И с нею вместе козни строил
Против отца, среди ночей.
Ее пронзительных лобзаний
Огонь впивал я в грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
Но слезы злобы только лью!..
Бог весть: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..
«И дни летели. Час настал!
Уж греховодник в дни младые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому отчего бежать.
О сколько мук! потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. за ворота

Бежал <я> сирий, одинокий,
И обратившись бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!..
В безумьи мрачном и немом
Желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безымянной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял он удар свинца,
И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь и плечи молодые,
И сладость тайную отрад,
И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,
Где я в лобзаннях утопал;
И ложе то, где я... и с нею,
И с этой мачехой лежал!..
«В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал.
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский дух!..
«Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальний
Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной.
Удар губительный и верный!..
С обезображенным лицом
Упал ящик! Помчались кони!..
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.
«Раз – подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.
Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец;
О, как ужасен был мертвец,
С окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мне –
Кого ж при трепетной луне
Я узнаю?.. Великий боже!
Я узнаю его... кого же? –
Кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих седирах кровь застыла? –
О!.. други!..
Это мой отец!..
Я ослабел, упал на землю;
Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой,

И конь привязан под дубком,
И два жида считают злато
Перед разложенным костром!..

«Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.
С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
Жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывались. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..
«Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья,
И в суматохе пировать.
В заре снедающих пожаров
И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!
Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;
И очи полны, полны слез
На похитителя смотрели.
Я не слышал его угроз,
Я не слышал ее молений;
И уж в груди ее торчал –
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.
«Пришло Иуде наказание:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил
Родные, мрачные стремнины,
Леса и речки и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

* * *

«Бегут года, умчалась младость –
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь к свободе золотой,
Мне сохранил мой жребий чудный.
Старик преступный, безрассудный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,
Что чашу полную налью

Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну смеясь в дубовый стол!..»

Олег*

<I>

1
Во мгле языческой дубравы
В года забытой старины,
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.
Как неподвижный царь лесов,
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилась сюда!..

2

Поставлен веры теплым чувством.
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилившем дождем.
Вдали лесистые равнины
И неприступные вершины
Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.
Склонен неволью к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас...

<II>

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зеркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.
Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какою здесь он мыслью странной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой
На землю бросил, не спуская
Недвижных с озера очей,
И кольца русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герое повести моей
Следы являлись кратких дней,
Но не приметно впечатлений:
Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.
И став у пеннистого брега,
Он к духу озера воззвал:

«Стрибог! я вновь к тебе предстал.
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.
И тот опять среди сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой
Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туманный...
Тихонько вид меняя странный,
Ясней, ясней, ясней... и вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые волосы бежали
По голым персям старика.
<III>

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? прошли оне
С мгновенной славой героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слышал:
В часы суровой непогоды,
Когда бушуют плещут воды,
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темносизых тучах
Разнообразною толпой
Летят. Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаясь цепью воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал равнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.
Жил-был когда-то князь Олег,
Владелец русского народа,
Варяг, боец (тогда свобода
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег
Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...
Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег? ..
Два брата*
«Ах, брат! ах, брат! стыдись, мой брат!
Обеты теплые с мольбами
Забыл ли? год тому назад
Мы были нежными друзьями...

Ты помнишь, помнишь, верно, бой,
Когда рубились мы с тобой
Против врагов родного края
Или, заботы удаляя,
С новорожденною зарей
Встречали вместе праздник Лады.
И что ж? волнение досады,
Неугомонная вражда
Нас разделили навсегда!..»
«Не называй меня как прежде
В благополучные года.
В те дни, как верил я надежде,
Любви и дружбе... Я знавал
Волненья сердца дорогие,
И очи, очи голубые...
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,
Ее любовью и красотой,
Ты обманул меня... ужасно!
И посмеялся надо мной». —
Умолкли. Но еще стоят
В душе терзаемы враждою.
На каждом светлые блещут
Мечи с насечкой золотою,
На каждом панцырь и шолом,
Орлиным осенен крылом.
Всё пусто вокруг в дали туманной.
Пред ними жертвенник. На нем
Кумир белеет деревянный.
И только плещ вьюсь молодой
Лелеет жертвенник простой.
Они колена преклонили,
Взаимной злобой поклялись.
Вот на коней своих вскочили
И врозь стрелою понеслись.
Давноль? давно ли друг без друга
Их край родимый не видал?
Давно ль, когда один страдал
В изнеможении недуга,
Другой прикованный стоял
Нежнейшей дружбой к изголовью?
Вдруг, горьким мщением дыша,
Кипят! надменная душа
Чем раздражилась? — любовью!
Аскар, добычу бранных сил,
Финляндку юную любил.
Она лила в неволе слезы,
И помнила средь грустных дней
Скалы Финляндии своей.
Скалы Финляндии пустой,
Озер стеклянные заливы
И бор печальный и глухой,
Как милы вы, как вы счастливы
Своею дикою красотой...
Дымятся низкие долины,
Где кучи хижин небольших
С дворами грязными. Вкруг их
Растут кудрявые рябины,
На высотах чернеют пни
Иль стебли обгорелых сосен.
В стране той кратки дни весны
И продолжительная осень...
Две невольницы*
Beware, my Lord, of jealousy.

Othello.w. Shakespeare. [3]

I

«Люблю тебя, моя Заира!
Гречанка нежная моя! –
У ног твоих богатства мира
И правоверная земля.
Когда глазами голубыми
Ты водишь медленно кругом,
Я молча следую за ними,
Как раб с мечтами неземными
За неземным своим вождем.
Пусть пляшет бойкая Гюльнара,
Пусть под белую рукой
Звонит испанская гитара:
О не завидуй, ангел мой!
Все песни пламенной Гюльнары,
Все звуки трепетной гитары,
Всех роз восточных аромат,
Топазы, жемчуг и рубины
Султан Ахмет оставит рад
За поцелуя звук единый,
И за один твой страстный взгляд!»
«Султан! я в дикой, бедной доле,
Но с гордым духом рождена;
И в униженьи, и в неволе
Я презирать тебя вольна!
Старик, забудь свои желанья:
Другой уж пил мои лобзанья –
И первой страсти я верна!
Конечно, грозному султану
Сопротивляться я не стану;
Но знай: ни пыткой, ни мольбой
Любвииз сердца ледяного
Ты не исторгнешь: я готова!
Скажи, палач готов ли твой?»

II

Тиха, душиста и светла
Настала ночь. Она была
Роскошнее, чем ночь Эдема.
Заснул обширный Цареград,
Лишь волны дальные шумят
У стен крутых. Окно гарема
Отворено, и свет луны,
Скользя, мелькает вдоль стены;
И блещут стекла расписные
Холодным, радужным огнем;
И блещут стены парчовые,
И блещут кисти золотые,
Диваны мягкие кругом.
Дыша прохладою ночью,
Сложивши ноги под собою,
Облокотившись на окно,
Сидела смуглая Гюльнара.
В молчанье всё погружено,
Из белых рук ее гитара
Упала тихо на диван;
И взор чрез шумный океан
Летит: туда ль, где в кущах мира
Она ловила жизни сон?
Где зреет персик и лимон
На берегу Гвадалкивира?
Нет! Он боязненно склонен
К подножью стен, где пена дремлет!
Едва дыша, испанка внемлет,
И светит ей в лицо луна:
Не оттоголь она бледна?
Чу! томный крик... волной плеснуло...
И на кристалле той волны
Заколебалась тень стены...
И что-то белое мелькнуло –

И скрылось! – снова тишина.
Гюльнаны нет уж у окна;
С улыбкой гордости ревнивой
Она гитару вновь берет,
И песнь Испании счастливой
С какой-то дикостью поет;
И часто, часто слово мщенье
Звучит за томною струной,
И злобной радости волненье
Во взорах деви молодой!
Джюлио*

(Повесть. 1830 год.)

Вступление

Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы взор
Бегущий белый парус рыбака.
Я выходил тогда из рудника,
Где золото, земных трудов предмет,
Там люди достают уж много лет;
Здесь обратились страсти все в одну,
И вечный стук тревожит тишину;
Между столпов гранитных и аркад
Блестит огонь трепещущих лампад,
Как мысль в уме, подавленном тоской,
Кидая свет бессильный и пустой!..
Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,
Но если бледный вялый цвет ланит
И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в тиши,
Являют грусть глубокую души, –
О! не завидуйте судьбе такой.
Печальна жизнь в могиле золотой.
Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов своих.
Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души моей,
Когда я вновь взглянул на небеса,
И освежила голову роса.
Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича среди высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты
У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.
От рудника вился желтея путь...
Как я желал скорей в себя вдохнуть
Прохладный воздух, вольный, как народ
Тех гор, куда сей узкий путь ведет.
Вожатому подарок я вручил,
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять, зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалось, знакомы были мне.
И подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, – он сказал, – скрывался я!
Так, Джюлио пред вами, но не тот,
Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей душой,
В которой страсти, лета и мечты

Изрыли бездну вечной пустоты..
Но я молю вас только об одном,
Молю: возьмите этот свиток. В нем,
В нем мир всю жизнь души моей найдет –
И, может быть, он вас остережет!»
Тут скрылся быстро пасмурный чудак,
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав;
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.
* * *

Есть край: его Италией зовут;
Как божьи птицы, мнится, там живут
Покойно, вольно и беспечно. И прошлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастью людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд страстей.
Вам, жителям холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могут в вас зажечь так сильно кровь,
Как в том, кто близ Неаполя рожден:
Для крайностей ваш дух не сотворен!
Спокойны вы!.. на ваш унылый край
Навек я променял сей южный рай,
Где тополи, обвитые лозой,
Хотят шатер достигнуть голубой,
Где любят моря синие валы
Баюкать тень береговой скалы..
Вблизи Неаполя мой пышный дом
Белеется на берегу морском,
И вокруг него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть;
И там у вод, в лимонной роще, есть
Беседка; всех других она милей,
Однако вспомнить я боюсь об ней.
Она душистым запахом полна,
Уединенна и всегда темна.
Ах! здесь любовь моя погребена;
Здесь крест, нагнутый временем, торчит
Над холмиком, где Лоры труп сокрыт.
При верной помощи теней ночных,
Бывало, мы, укрывшись от родных,
Туманною озарены луной,
Спешили с ней туда рука с рукой;
И Лора, лютню взяв, певала мне...
Ее плечо горело как в огне,
Когда к нему я голову склонял
И пойманные кудри целовал..
Как гордо волновалась грудь твоя,
Коль очи в очи томно устремя,
Твой Джулио слова любви твердил;
Лукаво милый пальчик мне грозил,
Когда я, у твоих склоняясь ног,
Восторг в душе остановить не мог..
Случалось, после я любил сильней,
Чем в этот раз; но жалость лишь о сей
Любви живет, горит в груди моей.
Она прошла, таков судьбы закон,
Неумолим и непреклонен он,
Хотя щадит луны любезной свет,
Как памятник всего, чего уж нет.
О, тень священная! простишь ли ты
Тому, кто обманул твои мечты,
Кто обольстил невинную тебя

И навсегда оставил не скорбя?
Я страсть твою употребил во зло,
Но ты взгляни на бледное чело,
Которое изрыли не труды, –
На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских скал,
На эту бездну смрадной темноты,
Где носятся, как дым, твои черты,
На ложе, где с рыданием, с тоской
Клянусь себя с минуты роковой...
И сжался, сжался, сжался надо мной!..

. . .
. . .

Когда мы женщину обманем, тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бежать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыскать!
Но с Лорой я проститься захотел.
Я объявил, что мне в чужой предел
Отправиться на много должно лет,
Чтоб осмотреть великий божий свет.
«Зачем тебе! – воскликнула она, –
Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть счастливым?..
Подумай, Джулио!» тут, взор склонив,
Она меня рукою обняла, –
«Ах, я почти уверена была,
Что не откажешь в просьбе мне одной:
Не покидай меня, возьми с собой,
Не преступи вторично свой обет...
Теперь... ты должен знать!..» «Нет,
Лора, нет! –
Воскликнул я, – оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
В холодную к тебе отныне грудь;
Как странники на небе, облака
Свободно сердце и любовь легка».
И, побледнев как будто бы сквозь сна,
В ответ сказала тихо мне она:
«Итак, прости навек, любезный мой;
Жестокий друг, обманщик дорогой;
Когда бы знал, что оставляешь ты...
Однако, прочь, безумные мечты,
Надежда! сердце это не смущай...
Ты более не мой... прощай!.. прощай!..
Желаю, чтоб тебя в чужой стране
Не мучила бы память обо мне...»
То был глубокий вещей скорби глас.
Так мы расстались. Кто жалчей из нас,
Пускай в своем уме рассудит тот,
Кто некогда сии листы прочтет.
Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной мгле
Сокровище потонет, и никак
Нельзя разгнать его покрывший мрак?
Любовь младых, прелестных женских глаз,
По редкости, сокровище для нас
(Так мало дев, умеющих любить);
Мы день и ночь должны его хранить;
И, горе! если скроется оно:
Навек блаженства сердце лишено.
Мы только раз один в кругу земном
Горим взаимной нежности огнем.
Пять целых лет провел в Париже я.

Шалил, именье с временем губя;
Первоначальной страсти жар святой
Я называл младенческой мечтой.
Дорога славы, заманив мой взор,
Наскучила мне. Совести укор
Убить любовью новой захотев,
Я стал искать беседы юных дев;
Когда же охладел к ним наконец,
Представила мне дружба свой венец;
Повеселив меня немного дней,
Распался он на голове моей...
Я стал бродить печален и один;
Меня уверили, что это сплин;
Когда же надоели доктора,
Я хладнокровно их согнал с двора.
Душа моя была пуста, жестка.
Я походил тогда на бедняка:
Надеясь клад найти, глубокий ров
Он ископал среди своих садов,
Испортить не страшась гряды цветов,
Рыл, рыл – вдруг что-то застучало – он
Вздрыгнул... предмет трудов его найден –
Приблизился... торопится... глядит:
Что ж? – перед ним гнилой скелет лежит!
«Заботы вьются в сумраке ночей
Вкруг ложа мягкого, златых кистей;
У изголовья совесть-скорпион
От вежд засохших гонит сладкий сон;
Как ветер преследует по небу вдаль
Оторванные тучки, так печаль,
В одну и ту же с нами сев ладью,
Не отстаёт ни в куще, ни в бою»
Так римский говорит поэт-мудрец.
Ах! это испытал я наконец,
Отправившись, не зная сам куда,
И с Сеною простившись навсегда!..
Ни диких гор Швейцарии снега,
Ни Рейна вдохновенные брега,
Ничем мнеум наполнить не могли,
И сердцу ничего не принесли.

. . .
. . .

Венеция! о, как прекрасна ты,
Когда, как звезды спавши с высоты,
Огни по влажным улицам твоим
Скользят; и с блеском синим, золотым,
То затрепещут и погаснут вдруг,
То вновь зажгутся; там далекий звук,
Как благодарность в злой душе, порой
Раздастся и умрет во тьме ночной:
То песнь красавицы, с ней друг ея;
Они поют, и мчится их ладья.
Народ, теснясь на берегу, кипит.
Оттуда любопытный взор следит
Какой-нибудь красивый павильон,
Который бегло в волнах отражен.
Разнообразный плеск и весел шум
Приводят много чувств и много дум;
И много чудных случаев рождal
Ничем ненарушимый карнавал.
Я прихожу в гремящий маскерад,
Нарядов блеск там ослепляет взгляд;
Здесь не узнает муж жены своей.
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Под маской, близ него проходит с ней;
И муж готов божиться, что жена
Лежит в дому отчаянно больна..
Но если всё проник ревнивый взор –

Тотчас кинжал решит недолгий спор;
Хотя ненужно пролитая кровь
Уж не воротит женскую любовь!..
Так мысля, в зале тихо я блуждал
И разных лиц движенья наблюдал;
Но, как пустые грезы снов пустых,
Чтоб рассказать, я не запомню их.
И вижу маску: мне грозит она.
Огонь паров застольного вина
Смутил мой ум, волнуя кровь мою.
Я домино окутался, встаю,
Открыл лицо, за тайным чудачком
Стремлюсь и покидаю шумный дом.
Быстрее ног преследуют его
Мои глаза, не помня ничего;
Вослед за ним, хотя и не хотел,
На лестницу крутую я взлетел!..
Огромные покои предо мной,
Отделаны с искусственной красой;
Сияли свечи яркие в углах,
И живопись дышала на стенах.
Ни блеск, ни сладкий аромат цветов
Желаньем ускоряемых шагов
Остановить в то время не могли:
Они меня с предчувствием несли
Туда, где, на диване опустясь,
Мой незнакомец, бегом утомясь,
Сидел; уже яблизко у дверей –
Вдруг – (изумление души моей
Чьи краски на земле изобразят?)
С него упал обманчивый наряд –
И женщина единственной красоты
Стояла близ меня. Ее волосы
Катились на волнуемую грудь
С восточной негой... я не смел дохнуть,
Покуда взор, весь слитый из огня,
На землю томно не упал с меня.
Ах! он стрелой во глубь мою проник!
Не выразил бы чувств моих в сей миг
Ни ангельский, ни демонский язык!..
Средь гор кавказских есть, слышал я, грот,
Откуда Терек молодой течет,
О скалы неприступные дробясь;
С Казбека в пропасть иногда скатясь,
Отверстие лавина завалит,
Как мертвый, он на время замолчит...
Но лишь враждебный снег промоет он,
Быстрее его не будет Аквилон;
Беги сайгак от берега в тот час
И жаждущий табун – умчит он вас,
Сей ток, покрытый пеною густой,
Свободный, как чеченец удалой.
Так и любовь, покрытаскуки льдом,
Прорвется и мучительным огнем
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнет или не достигнет цель!..
И беден тот, кому судьбина, дав
И влюбчивый и своевольный нрав,
Позволила узнать подробно мир,
Где человек всегда гоним и сир,
Где жизнь – измен взаимных вечный ряд,
Где память о добре и зле – всё яд,
И где они, покорствуя страстям,
Приносят только сожаленье нам!
Я был любим, сам страстию пылал
И много дней Мелиной обладал,
Летучих наслаждений властелин.
Из этих дён я не забыл один:

Златило утро дальний небосклон,
И запах роз с берегов был разнесен
Далеко в море; свежая волна,
Играющим лучом пробуждена,
Отзывы песни рыбаков несла...
В ладье при верной помощи весла
Неслися мы с Мелиною сам-друг,
Внимая сладкий и небрежный звук;
За нами в блеске утренних лучей
Венеция, как пышный мавзолей
Среди песков Египта золотых,
Из волн поднявшись, озирали их.
В восторге я твердил любви слова
Подруге пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставал с водой,
В колена ей склонялася порой.
Я счастлив был; неведомый никем,
Казалось, я покоен был совсем,
И в первый раз лишь мог о том забыть,
О чем грустил, не зная возвратить.
Но дьявол, сокрушитель благ земных,
Блаженство нам дарит на краткий миг,
Чтобы удар судьбы сразил сильней;
Чтобы с жестокой тягостью своей
Несчастье унесло от жадных глаз
Всё, что ему еще завидно в нас.
Однажды (ночь на город уж легла.
Луна как в дыме без лучей плыла
Между сырых туманов; ветер ночной,
Багровый запад с тусклою луной –
Всё предвещало бури; но во мне
Уснули, мнилось, навсегда оне)
Я ехал к милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я был любим Мелиной, был богат,
Всё вокруг мне веселило слух и взгляд:
Роптанье струй, мельканье челноков,
Сквозь окна освещение домов,
И баркаролла мирных рыбаков.
К красавице взошел я; целый дом
Был пуст и тих, как завоеван сном;
Вот – проникаю в комнаты – и вдруг
Я роковой вблизи услышал звук,
Звук поцелуя... праведный творец,
Зачем в сей миг мне не послал конец?
Зачем, затрепетав как средь огня,
Не выскочило сердце из меня?
Зачем, окаменевший, я опять
Движенья жизни должен был принять?..
Бегу, стремлюсь, трещит – и настезь дверь!..
Кидаюсь как разъяренный зверь
В ту комнату, и быстрый шум шагов
Мой слух мгновенно поразил – без слов,
Схватив свечу, я в темный коридор,
Где, ревностью пылая, встретил взор
Скользкую как некий дух ночной
По стенам тень. Дрожащею рукой
Схватив кинжал, машу перед собой!
И вот настиг; в минуту удержу –
Рука... рука... хочу схватить – гляжу:
Недвижная, как мертвая, бледна,
Мне преграждает дерзкий путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный вид!..
Качая головой, призрак стоит.
Кого ж я в нем встревоженный узнал?
Мою обманутую лору!..
...Я упал!

Печален степи вид, где без препон

Скитается летучий Аквилон
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречаете березы две или три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой:
Так жизнь скучна, когда боренья нет;
В ней мало дел мы можем в цвете лет,
В минувшее проникнув, различить,
Она души не будет веселить:
Но жребий я узнал совсем иной;
Убит я не был раннею тоской...
Страстей огонь, неизлечимый яд,
Еще теперь в душе моей кипят...
И их следы узнал я в этот раз.
В беспамятстве, не открывая глаз,
Лежал я долго; кто принес меня
Домой, не мог узнать я. День от дня
Рассудок мой свежей и тверже был;
Как вновь меня внезапно посетил
Томительный и пламенный недуг.
Я был при смерти. Ни единый друг
Не приходил проведать о больном...
Как часто в душном сумраке ночном
Со страхом пробегал я жизнь мою,
Готовясь предстать пред судию;
Как часто, мучим жаждой огневой,
Я утолить ее не мог водой,
Задохшейся и теплой и гнилой;
Как часто хлеб перед лишенным сил
Черствел, хотя еще не тронут был;
И скольких слез, стараясь мужем быть,
Я должен был всю горечь проглотить!..
И долго я томился. Наконец,
Родных полей блуждающий беглец,
Я возвратился к ним.

□□□□□□□□В большом саду
Однажды я задумавшись иду,
И вдруг пред мной беседка. Узнаю
Зеленый свод, где я сказал: «люблю»
Невинной Лоре(я еще об ней
Не спрашивал соседственных людей),
Но страх пустой мой ум преодолел.
Вхожу, и что ж бродящий взгляд узрел?
– Могилу! – свежий, летний ветерок
Порою нес увялый к ней листок,
И незабудками испещрена
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасом, но пасмурной тоской
Я был подавлен в миг сей роковой!
Презренье, гордость в этой тишине
Старались жалость победить во мне.
Так вот что я любил!.. так вот о ком
Я столько дум питал в уме моем!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странамчужим нести казать
Испорченное сердце (плод страстей),
В чем недостатка нет между людей?..
Так вот что я любил! клянусь, мой бог,
Ты лучшую ей участь дать не мог;
Пресечь должна кончина бытие:
Чем раньше, тем и лучше для нее!
И блещут, дева, незабудки над тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела из них земля тебе венец...
Их вырастили мать и отец,
На дерн роняя слезы каждый день,
Пока туманная ложася тень
С холодной сладкою росой ночей,

Не освежала старых их очей...

. . .
И я умру! – но только ветер степей
Восплачет над могилою моею!..
Преодолеть стараясь дум борьбу,
Так я предчувствовал свою судьбу...

. . .
И я оставил прихотливый свет,
В котором для меня веселья нет
И где раскаянье бежит от нас,
Покуда юность не оставит глаз.
Но я был стар, я многое свершил!
Поверьте: не одно лишение сил,
Последствие толпой протекших дней,
Браздит чело и гасит жизнь очей!..
Я потому с досадою их кидал
На мир, что сам себя в нем презирал!
Я мнил: в моем лице легко прочесть,
Что в сей груди такое чувство есть.
Я горд был, и не снес бы, как позор,
Пытающий, нескромный, хитрый взор.
Как мог бы я за чашей хохотать
И яркий дар похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный металл
В больного сердца струны ударял?
Они меня будили в тьме ночной,
Когда и ум, как взгляд, подернут мглой,
Чтобы нагнать еще ужасней сон;
Не уходил с зарей багровой он.
Чем боле улыбалось счастье мне,
Тем больше я терзался в глубине,
Я счастье, казалось, привлек,
Когда его навеки отнял рок,
Когда любил в огне мучений злых
Я женщин мертвых более живых.
Есть сумерки души во цвете лет,
Меж радостью и горем полусвет;
Жмет сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись от этой пустоты,
Воспоминая иль игрою мечты,
Умножь одну или другую ты.
Последнее мне было легче! я
Опять бежал в далекие края;
И здесь, в сей бездне, в северных горах,
Зароют мой изгнаннический прах.
Без имени в земле он должен гнить,
Чтоб никого не мог остановить.
Так я живу. Подземный мрак и хлад,
Однообразный стук, огни лампад
Мне нравятся. Товарищей толпу
Презреннее себя всегда я чту,
И самолюбье веселит мой нрав:
Так рад кривой, слепого увидав!

. . .
И я люблю, когда немая грусть
Меня кольнет, на воздух выйти. Пусть,
Пусть укорит меня обширный свод,
За коим в славе восседает тот,
Кто был и есть и вечно не преидет;
Задумавшись, нередко я сию
Над дикую стремниною и гляжу
В туманные поля передо мной,
Отдохшие под свежую росой.

. . .
Тогда как я воскликнешь к небесам,

Ломаю руки: дайте прежним дням
Воскреснуть! но ничто их не найдет,
И молодость вторично не придет!..
Ах! много чувств и мрачных и живых
Открыть хотел бы Джулио. Но их
Пускай обнимет ночь, как и меня!..
Уже в лампаде нет почти огня,
Страница кончена – и (хоть чудна)
С ней повесть жизни, прежде чем она..
Исповедь*

I

День гас; в наряде голубом
Крутясь бежал Гвадалкивир,
И не заботясь о том,
Что есть под ним какой-то мир,
Для счастья чуждый, полный злом,
Светило южное текло,
Беспечно, пышно и светло;
Но в монастырскую тюрьму
Игривый луч не проникал;
Какую б радость одному
Туда принес он, если б знал;
Главу склоня, в темнице той
Сидел отшельник молодой,
Испанец родом и душой;
Таков был рок! – зачем, за что,
Не знал и знать не мог никто;
Но в преступленьи обвинен,
Он оправданья не искал;
Он знал людей и знал закон..
И ничего от них не ждал.
Но вот по лестнице крутой
Звучат шаги, открылась дверь,
И старец дряхлый и седой
Взошел в тюрьму – зачем теперь;
Что сожаленья и привет
Тому, кто гибнет в цвете лет?
<II>

«Ты здесь опять! напрасный труд!..
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец.
Всё люди, люди, мой отец...
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить – и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой,
Согреть им вновь не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам.
И тень невинного, поверь,
Не отопрет им рая дверь.
Меня могила не страшит.
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне;
Я молод – молод, – знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?
Или не знал – или забыл,
Как ненавидел и любил,
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой,

В глубокой скважине стены
Дитя неведомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидит, испуганный грозой!
Пусть теперь прекрасный свет
Тебе постыл – ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык;
Что за нужда? – ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть!
Ты жил! я также мог бы жить!
III

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел – благодарю;
Не понимаю: что была
У них за мысль? – мои дела
И без меня ты должен знать –
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты верно не прочел бы в ней,
Что я преступник иль злодей.
Пусть монастырский ваш закон
Рукою неба утвержден;
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой;
Он оправдал меня – один
Он сердца полный властелин;
И тайну страшную мою
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Доселе жизнь была мне плен
Среди угрюмых этих стен,
Где детства ясные года
Я проводил, бог весть куда!
Как сон, без радости и бед,
Промчались тени лучших лет,
И воскресить те дни едва ль
Желал бы я – а всё их жаль!
Зачем, молчание храня,
Так грозно смотришь на меня?
Я волен... я не брат живых.
Судей бесчувственных моих
Не проклиная... но, старик,
Я признаюсь, мой язык
Не станет их благодарить
За то, что прежде, может быть,
Чем луч зари на той стене
Погаснет в мирной тишине,
Я, свежий, пылкий, молодой,
Который здесь перед тобой,
Живу, как жил тому пять лет,
Весь превращусь в слово: нет!..
И прах, лишенный бытия,
Уж будет прах один, – не я!
IV

«И мог ли я во цвете лет,
Как вы, душой оставить свет
И жить, не ведая страстей,
Под солнцем родины моей?
Ты позабыл, что седина
Меж этих кудрей не видна,
Что пламень в сердце молодом
Не остудить мольбой, постом!
Когда над бездною морской
Свирепой бури слышен вой
И гром гремит по небесам,
Вели не трогаться волнам,

И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да если б черный сей наряд
Не допускал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват;
Но под одеждой власяной
Я человек, как и другой!
И ты, бесчувственный старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне
И в исступленьи, может быть,
Решился б также согрешить,
Отвергнув всё, закон и честь,
Ты был бы счастлив перенести
За слово, ласку или взор
Мое страданье, мой позор!..

V

«Я о спасеньи не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь: не беда!
Ведь с ней не встречусь никогда!
Разлуки первый, грозный час
Стал веком, вечностью для нас!
И если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я, прежде чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там, среди святых,
Погибший рай надежд моих?
Нет, перестань, не возражай...
Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
Увы! отдай ты мне назад
Ее улыбку, милый взгляд,
Отдай мне свежие уста,
И голос сладкий, как мечта...
Один лишь слабый звук отдай...
О! старец! что такое рай?..

VI

«Смотри, в сырой тюрьме моей
Не видно солнечных лучей;
Но раз на мрачное окно
Упал один – давным давно;
И с этих пор между камней
Ничтожный след веселых дней
Забыт, как узник, одинок
Растет бледнеющий цветок;
Но вовсе он не расцветет,
И где родился – там умрет;
И не сходна ль, отец святой,
Его судьба с моей судьбой?
Знай, может быть ее уж нет...
И вот последний мой ответ:
Поди, беги, зови скорей
Окровавленных палачей:
Судить и медлить вам на что?
Она не тут – и всё ничто!
Прощай, старик; вот казни час:
За них молись... в последний раз
Тебе клянусь перед творцом,
Что не виновен я ни в чем.
Скажи: что умер я как мог,
Без угрызений и тревог,
Что с тайной гибельной моей
Я не расстался для людей...
Забудь, что жил я... что любил

Гораздо более, чем жил!
Кого любил? отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной;
За жизнь, за мир, за вечность вам
Я этой тайны не продам!»

. . .
. . .

VII

...И он погиб, – и погребен.
И в эту ночь могильный звон
Был степи ветром принесен
К стенам обители другой,
Объята сонной тишиной,
И в храм высокий он проник...
Там, где сиял Мадонны лик
В дыму трепещущих лампад,
Как призраки стояли в ряд
Двенадцать дев, которых свет
Пришел к умершим с давних лет;
Неслась мольба их к небесам,
И отвечал старинный храм
Их песни мирной и святой,
И пели все, кроме одной.
Как херувим, она была
Обворожительно мила.
В ее лице никто б не мог
Открыть печали и тревог.
Но что такое женский взгляд?
В глазах был рай, а в сердце ад!
Прилежным ухом у окна
Шум ветра слушала она,
Как будто должен был принести
Он речь любви иль смерти весть!..
Когда ж унылый звон проник
В обширный храм – то слабый крик
Раздался, пролетел и в миг
Утих. Но тот, кто услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой!..
Любовь и жизнь он взял с собой.

Каллы* [4]

Черкесская повесть

'T is the clime of the East; 't is the land of the Sun –

Can he smile on such deeds as his children have done?

Oh! wild as the accents of lovers' farewell!

Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

The Bride of Abydos. Byron. [5]

I

«Теперь настал урочный час,
И тайну я тебе открою.
Мои советы – божий глас;
Клянись им следовать душою.
Узнай: ты чудом сохранен
От рук убийц окровавленных,
Чтоб неба оправдать закон
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежат
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на земле орудье мщенья,
Палач, – а жертва Акбулат!
Отец твой, мать твоя и брат,
От рук злодея погибая,
Молили небо об одном:

Чтобхоть одна рука родная
За них разведалась с врагом!
Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.
За все минувшие злодейства
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребления!
Возьми ж мои благословенья,
Кинжал булатный – и поди!»
Так говорил мулла жестокий,
И кабардинец черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщения внимал.
Он молод сердцем и годами,
Но, чуждый страха, он готов
Обычай дедов и отцов
Исполнить свято над врагами;
Он поклялся – своей рукой
Их погубить во тьме ночной.

II

Уж день погас. Угрюмо бродит
Аджи вокруг сакли... и давно
В горах всё тихо и темно;
Луна как желтое пятно
Из тучки в тучку переходит,
И ветер свищет и гудёт.
Как призрак, юноша идет
Теперь к заветному порогу;
Кинжал из кожаных ножен
Уж вынимает понемногу...
И вдруг дыханье слышит он!
Аджи недолго рассуждает;
Врагу заснувшему он в грудь
Кинжал без промаха вонзает
И в ней спешит перевернуть.
Кому убийцей быть судьбина
Велит – тот будь им до конца;
Один погиб; но с кровью сына
Смешать он должен кровь отца.
Пред ним старик: волосы седые!
Черты открытого лица
Спокойны, и усы большие
Уста закрыли бахромой!
И для молитвы сжаты руки!
Зачем ты взор потупил свой,
Аджи? ты мщенья слышишь звуки!
Ты слышишь!.. то отец родной!
И с ложа вниз, окровавленный,
Свалился медленно старик,
И стал ужасен бледный лик,
Лобзаньем смерти искаженный;
Взглянул убийца молодой...
И жертвы ищет он другой!
Обшарил стены он, чуть дышит,
Но не встре<чает> ничего –
И только сердца своего
Биенье трепетное слышит.
Ужели все погибли? нет!
Ведь дочь была у Акбулата!
И ждет ее в семнадцать лет
Судьба отца и участь брата...
И вот луны дрожащий свет
Проникнул в саклю, озаряя
Два трупа на полу сыром
И ложе, где роскошным сном

Спала девица молодая.

III

Мила, как сонный херувим,
Перед убийцею своим
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сон мятежный,
Волнуя девственную грудь,
Мешал свободно ей вздохнуть.
Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза,
И, тайный признак упоенья,
Блистала ярко в них слеза;
Но испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! их радость и любовь
И слезы не откроют вновь!
И он смотрел. И в думах тонет
Его душа. Проходит час.
Чей это стон? Кто так простонет,
И не последний в жизни раз?
Кто, услышав такие звуки,
До гроба может их забыть?
О, как не трудно различить
От крика смерти – голос муки!

IV

Сидит мулла среди ковров,
Добытых в Персии счастливой;
В дыму табачных облаков
Кальян свой курит он лениво;
Вдруг слышен быстрый шум шагов,
В крови, с зловещими очами,
Аджи вбегает молодой;
В одной руке кинжал, в другой...
Зачем он с женскими власами
Пришел? и что тебе, мулла,
Подарок с женского чела?
«О, как верны мои удары! –
Ужасным голосом сказал
Аджи, – смотри! узнал ли, старый?»
«Ну что же?» – «Вот что!» – и кинжал
В груди бесчувственной торчал...

V

На высоте горы священной,
Вечерним солнцем озаренной,
Как одинокий часовой
Белеет памятник простой:
Какой-то столбик округленный!
Чалмы подобие на нем;
Шиповник стелется кругом;
Оттуда синие пустыни
И гребни самых дальних гор, –
Свободы вечные твердыни, –
Пришельца открывает взор.
Забывши мир, и им забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Под этим камнем спит мулла,
И вместе с ним его дела.
Другого любит без боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
От злобной ревности она!..

VI

И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и боях;
Как дикий зверь, людей чуждался;
И женщин он ласкать не мог!

Хранил он вечное молчанье;
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
И он лишь знает, почему
Каллы ужасное прозванье
В горахосталось ему.
Последний сын вольности*
Посвящается (Н. С. Шеншину)

(Повесть)

1

Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой мечтой;
Бывало, я любовьию страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветренных стихах изображал
Таинственных видений милый рой.
Но дни надежд ко мне не придут вновь,
Но изменила первая любовь!..

2

И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей – и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой привет
Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может, милый друг, –
Оборванной струны последний звук!..

* * *

When shall such hero live again?

The Giaour. Byron. [6]

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретить зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед, и вьются над водой,
И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.
Приходит осень! уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! пред властью чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! дерзостный варяг
Богов славянских победил;

Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!
Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнании дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.
На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти, семь бойцов:
Шесть юношей – один старик.
Они славяне! – бранный клик
Своих дружин им не слышать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они
Простились с озером родным,
Чтоб не промчались их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упреком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..
О! если б только Чернобог
Удару мщенья помог!..
Не равная была борьба..
И вот война! и вот судьба!..
«Зачем я меч свой вынимал,
И душу веселила кровь? –
Один из юношей сказал. –
Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенью, может быть;
И несвершонный подвиг наш
Изгладится в умах людей:
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
«О! Горе нам, – сказал другой, –
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обьет их,
Пусть падут от стрел своих!»
Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один..
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и, наконец,
Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук,
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.

Пой для других! моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть,
Всё упадет перед ней!»
«Вадим! – старик ему в ответ, –
Зачем не для тебя?.. иль нет!
Не надо! что ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»
И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,
И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,
Склоняясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!
Песнь Ингелота

1

Собралися люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршуном!
Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:

2

«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» –
Так сказал и умер Гостомысл.

3

Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских стран.
«Край наш славен – но порядка нет!»
Говорят послы князьям чужим.

4

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман морской!..

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

Тридцать юношей собираются,
Месть в душе, в глазах отчаянье..
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являються!

7

На щиты склоняясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струю потекла их кровь,
Гибнет враг – но что за громкий звук?
Чье копье ударилось о щит?

8

И вскочили пробужденные,

Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть осталось...
Мир костям убитых в поле том!

9

Княжит Рурик в Новгороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой –
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

* * *

«Ужель мы только будем петь,
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? – спросил Вадим. –
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:
Не буду у варяжских ног.
Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» – Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блестел,
И темнокрасный метеор
Из тучи в тучу пролетел!
И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..
Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижим, глядит
Туда, где небосклон горит.
Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых! –
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре том
Изобразилось то, о чем
Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставляя пены белый след;
Всё мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаям прежних лет,
Быть может, витязь был томим...

В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?
Их нет. – Бегут толпою дни!..
На высоте скалы крутой
Растет порой цветок молодой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?
Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей...
Прекрасна Леда, как звезда
На небе утреннем. Она
Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.
Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как воспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим?..
Нет! равнодушной Леды взор
Презренья холод оковал:
Отвергнут витязь; но с тех пор
Он всё любил, он всё страдал.
До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет!..
Кто устоит противу них?
И рана, легкая сперва,
Была всё глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь,
Всё вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей
И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.
Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой пеленой
Ты воспитал огонь святой!..
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть
Опять назад его привести!

* * *

Зима серебристой пеленой

Одела горы и луга.
Князь Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях иней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.
Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревням:
Трещит мороз. Шумит метель:
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,
И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..
Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?
Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?
И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?
Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И всё объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только вхижине одной
Лучина поздняя горит;
И леда передней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудёт веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.
И, наконец, она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей,
Всё ужасом дышало в ней.
В движеньи судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук
Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.
Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту леды прерывал,
И краткий сон был ей не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем,
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.
. . .
. . .
Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,

Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,
Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной
Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,
И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.
Надеждою оболыщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.
Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...
И праздник Лады настает:
Повсюду радость! как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар златой,
Над рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?
Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..
Страшись, невинная душа!
Страшись! Пылкий этот взор,
Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшись, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «люблю!»
Опасен яд его речей.
Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, каких любовь,
Бедою вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.
У закоптелого окна

Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? – Уж ночь;
Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..
И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блещит.
«Погибла! – дева говорит, –
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой стон
Презрительно отвергнул он!
О! ты о мне хоть пожалей,
Мать! мать!.. убей меня!.. убей!..
«Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», –
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.
Всегда с поникшей головой,
Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень
Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:
Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..
С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на поле пустом,
Забыт неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!..
И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла –
Но что ж? заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не знал во всем краю,
Куда сокрылась она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..
Жалели юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.

Но на земле еще была
Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..
Пока надежды слабой свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть
Хоть в половину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билось тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть
Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас! –
Но есть неизбежный час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,
Завесу с прошлого стащит
И всё в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит, нам на зло,
Правдоподобные мечты;
И с этих пор иной обман
Душевных не излечит ран!
Высокий дуб, краса холмов,
Передавлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрит короной листвою,
И зеленея в жаркий день
Прохладную он стелет тень,
И буря вокруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежую толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

* * *

Светает – побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;
И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между уютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чашу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроетмох сырой!..
Взошла заря – зачем? зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;
Потери новые людей
Она лукаво озарит,

И сердце каждое лишит
Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не убьет!..
Два путника лесной тропой
Идут под утреннею мглой
К ущелиям славянских гор:
Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем, тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляды
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:
«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край
Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижумилый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.
Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал,
Когда бы не твои слова.
Старик! где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови
Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! старик! кто б отгадал,
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,
Что им одним лишь увидеть
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. быть может, наша весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..» –
Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! – старик ему в ответ, –
Но через много, много лет
Всё будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей

Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край
Не размышляя пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему – и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила как свинец;
Он вспомнил о любви своей,
Невольно сердце потряслось,
И всё волнение страстей
Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,
Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.
Идут – и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом –
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел,
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на море, чернел!..
На том холме в траве густой
Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;
Пустыни ветер ее срывал,
Кудрями длинными играл,
И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд
Жестокой смертию объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...
И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним? –
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль стон...
Похож был на последний он!
И кто бы крик сей услышал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,
И только мог понять старик,
Что то родной его язык.
И наконец страдалец встал.
«Не всё ль я вынес? – он сказал, –
О, Ингелот! любил ли ты?
Взгляни на бледные черты

Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! не говори...
Свершилось! я на месть иду,
я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил
Всё, что искал, всё, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох,
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой,
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез
Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.
Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.
Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;
Но грусть ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билось опять –
И он не мог его унять!..
«Девица! мир твоим костям! –
Промолвил тихо Ингелот, –
Одна лишь цель богами нам
Дана – и каждый к ней придет,
И жалок, и безумец тот,
кто ропщет на закон судьбы:
К чему? – мы все его рабы!»
И оба встали и пошли,
И скрылись в голубой дали!..
Горит на небе ясный день,
Бегут золотые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен как стекло Ильмень.
Из Новагорода народ
Тесняся на берег идет.
Там есть возвышенный курган;
На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен с почтением немым.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалася в честь богов;
И груды пышные даров
На холм святой положены!..
Рассыпались толпы людей;
Зажглися пни, и пир шумит,
И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке

Предстал Вадим – булат в руке,
Как змеи кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! – сказал он, – выходи!
Свободное в моей груди
Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца
Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новгородцы! обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!»
И он мечом своим взмахнул, –
И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил – и битва началась.
Кипя, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так, над пучиной бурных вод,
На легкий чёлн бежит волна –
И – сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.
И долго бились они,
И долго ожиданья страх
Блестел у зрителей в глазах, –
Новитязя молодого дни
Ужсочтены на небесах!..
Дружины радостно шумят,
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один –
Последний вольный славянин!

* * *

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды, и луной
Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом
Согнувшись человек стоял,
С трудом кого-то поднимал:
Власы белели над челом;
И, что-то на плеча взвалив,
Пошел – и показалось мне,
Что труп чернелся на спине
У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И наконец совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..
Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,

Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?
Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты
Забыты ветрами растут
В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Подними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыт славянскою страной,
Свободы витязь молодой.

* * *

A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!.. [7]

Азраил*

(Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший конь лежит близ кургана и вороны летают над ним. Все дико)

Азраил (сидит на кургане)

Дождуся здесь; мне не жестка
Земля кургана. Ветер дует,
Серебряный ковыль волнует
И быстро гонит облака.
Кругом всё дико и бесплодно. –
Издохший конь передо мной
Лежит, и коршуны свободно
Добычу делят меж собой.
Уж хладные белеют кости,
И скоро пир кровавый свой
Незванные оставят гости.
Так точно и в душе моей:
Всё пусто, лишь одно мученье
Грызет ее с давнишних дней
И гонит прочь отдохновенье;
Но никогда не устает
Его отчаянная злоба,
И в темной, темной келье гроба
Оно вовеки не уснет.
Всё умирает, всё проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает;
Живу один средь мертвецов,
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданьями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я всё мгновенное люблю,
Утрата мучит грудь мою.
И я бессмертен, и за что же!
Чем, чем возможно заслужить
Такую пытку? Боже, боже!
Хотя бы мог я не любить!
Она придет сюда, я обниму
Красавицу и грудь к груди прижму,
У сердца сердце будет горячей;
Уста к устам чем ближе, тем сильнее
Немая речь любви. Я расскажу
Ей всё и мир и вечность покажу;
Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: как велик, как жалок ты.

Сей речи звук мне будет жизни звук,
И этот час последний долгих мук.
Клянусь воспоминание об нем
Глубоко в сердце схоронить моем,
Хотя бы на меня восстал весь ад.
Тот угол, где я спрячу этот клад,
Не осквернит ни ропот, ни упрек,
Ни месть, ни зависть; пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь; есть сердце у меня
Надменное и полное огня,
Есть в нем любви ее святой залог,
Последнего ж не отнимает бог.
Но слышен звук шагов, она, она.
Но для чего печальна и бледна?
Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом
На белых персях, на ее кудрях –
Идет. Ужель меня тревожит страх?
(Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест на груди у нее).

Дева

Ветер гудёт,
Месяц плывет,
Девушка плачет,
Милый в чужбину скачет.
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут;
Месяц погаснет,
Милый изменит.
Прочь печальная песня. Я опоздала, Азраил. Такли тебя зовут, мой друг? (Садится рядом).

Азраил. Что до названия? Зови меня твоим любезным, пускай твоя любовь заменит мне имя, я никогда не желал бы иметь другого. Зови, как хочешь, смерть – уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном – она все равно поглотит свои жертвы.

Дева. Полно с такими черными мыслями.

Азраил. Так, моя любовь чиста, как голубь, но она хранится в мрачном месте, которое темнеет с вечностью.

Дева. Кто ты?

Азраил. Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?

Дева. Что с тобою? Ты побледнел; приметно дрожь пробежала по твоим членам, твои веки опустились к земле. Милый, ты становишься страшен.

Азраил. Не бойся, всё опять прошло.

Дева. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела; ты прижал меня к себе, мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. Ты несчастлив, вверх мне свою печаль, кто ты? откуда? ангел? демон?

Азраил. Ни то, ни другое.

Дева. Расскажи мне твою повесть; если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи, о возьми всё, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, терзающей твою душу; моя любовь сожжет этого червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!

Азраил. Слушай, не ужасайся, склонись к моему плечу, сбрось эти цветы, твои губы душистее. Пускай эти гвоздики, фиалки унесет ближний поток, как некогда время

собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
унесет твою собственную красоту. Как, ужели эта мысль ужасна, ужели в столько столетий люди не могли к ней привыкнуть, ужели никто не может пользоваться всею опытностию предшественников? О люди! вы жалки, но со всем тем я сменял бы мое вечное существованье на мгновенную искру жизни человеческой, чтобы чувствовать хотя всё то же, что теперь чувствую, но иметь надежду когда-нибудь позабыть, что я жил и мыслил. Слушай же мою повесть.

Рассказ Азраила

Когда еще ряды светил
Земли не знали меж собой,
В те годы я уж в мире был,
Смотрел очами и душой,
Молился, действовал, любил.
И не один я сотворен,
Нас было много; чудный край
Мы населяли, только он,
Как ваш давно забытый рай,
Был преступленьем осквернен.
Я власть великую имел,
Летал, как мысль, куда хотел,
Мог звезды навещать порой
И любоваться их красотой
Вблизи, не утомляя взор,
Как перелетный метеор
Я мог исчезнуть и блеснуть.
Везде мне был свободный путь.
Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках
Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили творца,
И не было хвалам конца.
Я им завидовал: они
Беспечно проводили дни,
Не знали тайных беспокойств,
Душевных болей и расстройств,
Волнения враждебных дум
И горьких слез; их светлый ум
Безвестной цели не искал,
Любовью грешной не страдал,
Не знал пристрастия к вещам,
Он весь был отдан небесам.
Но я, блуждая много лет,
Искал чего, быть может, нет:
Творенье сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклинать,
И говорил: всесильный бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призрак, видение одно.
Ужели мил тебе мой стон?
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкою служить,
Душой бессмертной, может быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?
И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет!
Твою беспечность не убью,
Не дам понятия о том,
Что лишь с возвышенным умом
И с непреклонною душой
Изведать велено судьбой.

Чем дольше мука тяготит,
Тем глубже рана от нее;
Обливши смертью бытие,
Она опять его живит.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Как пропасть, где не знают дна:
Глотая всё, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на бледное чело,
Приметь морщин печальный ряд,
Неровный ход моих речей,
Мой горький смех, мой дикий взгляд
При вспоминаньи прошлых дней,
И если тотчас не прочтешь
Ты ясно всех моих страстей,
То вечно, вечно не поймешь
Того, кто за безумный сон,
За миг столетьями казнен.
Я пережил звезду свою;
Как дым рассыпалась она,
Рукой творца раздроблена;
Но смерти верной на краю,
Взирая на погибший мир,
Я жил один, забыт и сир.
По беспредельности небес
Блуждал я много, много лет
И зрел, как старый мир исчез
И как родился новый свет;
И страсти первые людей
Не скрылись от моих очей.
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный смертную люблю,
И с трепетом свиданья час
Как пылкий юноша ловлю.
Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюсь мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.
Вот повесть чудная моя;
Поверь иль нет, мне всё равно –
Доверчивое сердце я
Привык не находить давно;
Однако ж я молю: поверь
И тем тоску мою умерь.
Никто не мог тебя любить
Так пламенно, как я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачем вдвойне его казнить?
Но нет, ты плачешь. Я любим,
Хоть только существом одним,
Хоть в первый и последний раз.
Мой ум светлей отныне стал,
И, признаюсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал.
* * *

Дева. Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно. Ты видел другой мир, где ж он? В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас.

Азраил. Потому что закон Моисея не существовал прежде земли.

Дева. Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраил(бледнеет).

Дева. Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься, мой милый. Моя мать говорит, что покамест это должно, я иду замуж. Мой жених славный воин, его шлем блестит как

Азраил. Вот женщина! Она обнимает одного и отдает свое сердце другому!

Дева. Что сказал ты? О, не сердись.

Азраил. Я не сержусь, (горько) и за что сердиться?

Ангел смерти*
Посвящается А.М. В***й

Тебе – тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и – тобой!
Я дни мои влачу тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.
Явись мне в грозный час страданья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!
* * *

Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза – дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает,
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламенных очей,
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.
Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и неволью
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались – сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!
Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,

И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. – Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его – проклятье?
. . .

Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана,
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен,
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами
На нем пещера есть одна –
Жилище змей – холодна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как недосказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада – месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.
Давным-давно в ней жил изгнанник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только странник,
Людьми и небом был гоним.
Он мог быть счастлив, но блаженства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам – сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем ложным,
И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе – и людей –
Но избегал их. С ранних дней
К презрению приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она – хоть презрена – всё бог.
Одно сокровище – святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню..
Но что ж? всегда ли верен сон? ..
На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, –
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден – Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней, и грудь и стан,
Глаза – два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей

Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье –
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. – Зораим
Любил – с тех пор, как был любим;
Судьбина их соединила,
А разлучит – одна могила!
На синих небесах луна
С звездами дальними сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладой полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню – в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горю:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..
Почти без чувств, без дум, без сил,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор, полуоткрытый,
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит – коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девушки хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, – он мыслит, – не близка!
Рука – не жизнь; болезнь простая –
Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем всё смеется,
Не исчезая из него.
В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятежный,
И плач любви – и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел,
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:
Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им..
Но скоро при огне лампы
Недвижный, мутный встретив взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? – даже в преступленье

Он обвинял себя порой.
Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильнее
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, – но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, – и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем страдать
Безвсяких признаков страданья.
И ангел мыслью поражен
Достоиную небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастных утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Ноум границам подчинился,
И власть – не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появление Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..
Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал,
И вдруг, взяв тихо руку Ады,
И обратившись к ней, сказал:
«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен – но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? – давай мне чашу славы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну – я выпить рад:
Не все ль блаженства – лишь отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила

Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть? – о нет!..
Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился,
Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами
По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принести
Клянусь тебе жемчуг и золото,
Себе одну оставлю честь..
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато..
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала..
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? ты бледнеешь?.. слезы, слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»
И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит,
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна – твой образ, мой – цветок.
Ты грустен, – я грустна с тобою.
Как знать? – быть может, этот час
Последний счастливый для нас!..
Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обagrится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, спокоен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обagrить не может кровь.
Чу!.. топот... пыль клубится тучей,
И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!

Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе, ближе, – и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье – царь в душах людей
И удивления сильней.
Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец.
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он упадая не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик, над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.
На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! – Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,

Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана..
Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моления..
Уж солнце низко – Ада ждет..
Всё тихо вокруг... он всё нейдет!..
Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова..
И вот недвижна! – Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? – Что, если он
Убит? – но чей раздался стон?
Кто этот раненый стрелою
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядюю,
Но час кончины и над ним..
Кто ж он? – Свершилось! – Зораим.
«Ты здесь? теперь? – и ты ли, Ада?
О! твой приход мне не отрада!
Зачем? – Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть их предметом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда – что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто – я сам тому виной..
Я гибну! – Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой..
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже – на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье знать?
«Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О если б, если б я забыл
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, в груди моей
Всё ближе, ближе смертный холод.
О, кто б подумал, как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,

Мне предсказал, что час придет –
И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невнятные стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он...
Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна как всегда,
И мнилось: луч ее не знает,
Что на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать –
Уныло, мрачно – но не страстно!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи деве милой,
Привстал – и вздрогнул – и вздохнул –
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик – прежде нежный – был страшней
Всего, что страшно для людей.
Чья тень прозрачной мглой одета,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тленной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..
Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волненье,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презренье
К земле оставила она:
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовью к нему.
Всё тот же он – и бесконечность
Как мысль он может пролетать,

И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «состраданья
Они не могут заслужить;
Не награждение – наказанье
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели – пороки,
И жизнь им в тягость с юных лет...»
Так думал он – зачем же нет?..
Его неизбежной встречи
Боится каждый с этих пор;
Как меч – его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его – проклятье!..
Моряк*

Отрывок

O'er the glad waters of the dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and our souls as free,
Far as the breeze can bear, the billows foam,
Survey our empire, and behold our home.

The Corsair. L. Byron.[8]

В семье безвестной я родился
Под небом северной страны,
И рано, рано приучился
Смирять усилия волны!
О детстве говорить не стану.
Я подарен был океану,
Как лишний в мире, в те года
Беспечной смелости, когда
Нам всё равно, земля иль море,
Родимый или чуждый дом;
Когда без радости поём,
И, как раба, мы топчем горе,
Когда мы ради всё отдать,
Чтоб вольным воздухом дышать!
Я волен был в моей темнице,
В полуживой тюрьме моей;
Я всё имел, что надо птице:
Гнездо на мачте меж снастей!
Как я могущ себе казался,
Когда на воздухе качался,
Держась упругою рукой
За парус иль канат сырой;
Я был меж небом и волнами,
На облака и вниз глядел,
И не смущался, не робел,
И, всё окинувши очами,
Я мчался выше – о! тогда
Я счастлив был, да, счастлив, да!
Найдите счастье мне другое!
Родными был оставлен я;
Мой кров стал – небо голубое,
Корабль – стал родина моя:
Я с ним тогда не расставался,
Я, как цепей, земли боялся;
Не ведал счету я друзьям:
Они всегда теснились к нам,
Катились следом, забегали,
Шумя, толкаяся, вперед,

И нам нестись по лону вод,
Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не делали нам зла.
Я их угадывал движенья,
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья;
В нем были ласки и укор,
И был звучней тот звук чудесный,
Чем ветра вой и шум древесный!
И каждый вечер предо мной
Они в одежде парчевой,
Как люди, гордые являлись;
Обворожен, я начал им
Молиться, как богам морским,
И чувства прежние умчались
С непостижимой быстротой
Пред этой новою мечтой!..
Мир обольстительный и странный,
Мир небывалый, но живой,
Блестящий вместе и туманный,
Тогда открылся предо мной;
Всё оживилось: без значенья
Меж тучек не было движенья,
И в море каждая волна
Была душой одарена;
Безумны были эти лета!
Но что ж? ужели был смешней
Я тех неопытных людей,
Которые, в пустыне света
Блуждая, думают найти
Любовь и душу на пути?
Все чувства тайной мукой полны;
И всякий плакал, кто любил:
Любил ли он морские волны
Иль сердце женщинам дарил!
Покрывшись пеною рядами,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
Так точно дева молодая,
Идет, гордясь, между рабов,
Их скромных просьб, их нежных слов
Не слушая, не понимая!
Но вянут девы в тишине,
А волны, волны всё одне.
Я обожатель их свободы! –
Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда;
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук;
Однообразный этот звук,
И, наконец, все эти силы,
Употребленные на то,
Чтоб малость обращать в ничто!
Как я люблю их дерзкий шопот
Перед летучим кораблем;
Их дикий плеск, упрямый ропот,
Когда утес, склонясь челом,
Все их усилья презирает,
Не им грозит, не им внимает;
Люблю их рев и тишину,
И эту вечную войну

С другой стихией, с облаками,
С дождем и вихрем! Сколько раз
На корабле, в опасный час,
Когда летала смерть над нами,
Я в ужасе творца молил,
Чтоб океан мой победил!

Измаил-Бей*

Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в песнопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

So moved on earth Circassia's daughter

The loveliest bird of Frangestan!

Byron. The Giaour.[9]

1

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как тени,
Как над главой огромных привидений
Колеблемые перья, – и луна
По синим сводам странствует одна.

2

Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и поток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блестит как цветы небес и рая...
В вечерний час дождливых облаков
Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних дней,
Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиденье,
Когда он зрит холмы своих полей...
Меж тем белей, чем горы снеговые,
Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в ряд,
Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им вечно!..

3

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

4

Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбака,
Повисший над извилистым путем,
Как будто бы удержанный аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травою;
И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный стебелек,
Растет воспоминания цветок!..
И под столетней, мшистою скалою
Сидел чечен однажды предо мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей поник..
Быть может, он о родине молился!
И, странник чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не различал!

5

Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести на север дальный:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю!
Я не хочу, неизвестный толпою,
Чтобы как тайна он погиб со мною;
Пускай ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою
Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни – вот вся жизнь певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает, [10]
А за крутым Бешту садится, [11]
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

7

Не всё судьба голубит нас,
Всему свой день, всему свой час.
Однажды, – солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес – не боле.

8

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицание?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что всё громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть – кинжал двойной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы»,
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает,
Иль облаками одеваает
Вершин кудрявых красоту.

9

Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщение народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуровне течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Рослаббек с берегов Кубани
Князей союзных поджидал;

Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим врагом:
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,
Висит, прохладу обещая,
Над беззаботным табуном...

10

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной[12] и Змеиной, [13]
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

11

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обводит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремена, дрожит, пылает.
Всё пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Всё одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? – За кровлю сакли белой
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

12

Кто ж этот путник? русский? нет.
На нем чекмень, простой бешмет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;
И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся – он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно всё, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнув он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у берегов;

Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслажденья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

13

Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. – Чувства, страсти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень –
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!

14

И всё прошедшее явилось
Как тень умершего ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть, и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел – что такое?
Как будто на-смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикрата отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блестая радужным хвостом,
Лежал в траве пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, – вопрошает, –
Давно ли пусто здесь кругом?»
– «С тех пор, как русских устранил
Неустранимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказание...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный –
Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лавы Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали
Как лезвее кровавой стали
Глаза его – и в этот миг

Душа и ад – всё было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;
Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, – но из уст ни слова!
16

И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Чрез камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..
17

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет младая грудь,
И усмирится дум волненье?
Черкес не хочет отдохнуть –
Ужели отдыхает мщенье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел –
Всё уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолей
И так отмстит за унижение
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, – он шепчет, – знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчаты цепи
Кремнистых бесконечных гор,
И шат подымется за ними
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»
18

Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны как мечты,
То разойдутся – то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А всё пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.
19

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра

Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать вольней.
И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренно гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один,
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность
Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

20

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный
Звуча теряется вдали.
Погас бледней день осенний;
Свернув душистые листья,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блится в сумраке ночном.

21

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чует,
И встал!.. – Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. – (Слышал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменьи над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

22

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,

Не очи злобного шайтана
Светилися в ущельи том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Всё в мертвый сон погружено –
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет – великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
– Кто здесь? – Я странник! – был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

23

Меж тем приветно в сакле дымной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блится по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетъ меж буркой и седлом.
Они заводят речь – о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час –
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

24

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына
И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,
И бедный мил ему приют.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять – им всё равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,
Их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит

Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

25

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движеньи черных глаз,
Всё, что так дружно с первыми мечтами,
Всё, что встречаем в жизни только раз,
Не отличит от красоты ничтожной,
От красоты земной, нередко ложной?
И кто, кто скажет, совесть заглуша:
Прелестный лик, но хладная душа!
Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать людей!
Пусть, подойдя, лезгинку он узнает:
В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах кровь;
Но только удалится образ милый –
Он станет сомневаться в том, что было,
И заблуждёнью он поверит вновь!

26

Нежна – как пери молодая,
Создание земли и рая,
Мила – как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно-мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота –
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; – уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщина видна!

27

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом,
И улынулась; и потом
Уйти хотела; и не знала
Идти ли? – Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвие
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! – смутилась дева,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, – и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;

Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется – но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, – но хладный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он? – ей вновь досадно,
Сама не знает почему.

Черкес ловил сначала жадно
Движенье глаз ее живых;
И наконец остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склонились,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

28

Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, – так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостию детской
Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют,
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекий,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе всё внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед,
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится!

30

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле

Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»

. . .
31

Пора! – Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?

32

Уныло Зара перед ним
Коня походного держала
И тихим голосом своим,
Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! моей рукой
Надета бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;
Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, всё готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный потоком;
Как уголь взор его блестит,
Лишь наклонись – он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

33

«Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? быть может, будет время,
И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пиროванья
Кипит, блестит в руке твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится
Тебе в страдальческую ночь:
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!

34

«Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, –

И что им взять? – пять-шесть коней
Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? – останься тут,
Останься с нами, добрый странник!
Я вижу ясно – ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? – не знаю.
Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

35

«Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони;
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:
Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки?..»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нет,
Слеза с ресниц упасть готова,
Увы! молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приготавлился,
Но обернулся, – испугался,
И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он:

36

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? – слез?
Я их имел когда-то много:
Их мир из зависти унес!
Но не решусь судьбы мятежной
Я разделять с душою нежной;
Свободный, раб иль властелин,
Пусть погибну я один.
Всё, что меня хоть малость любит,
За мною вслед увлечено;
Мое дыханье радость губит,
Щадить – мне власти не дано!
И не простого человека
(Хотя в одежде я простой),
Утешься! Зара! пред собой
Ты видишь брата Росламбака!
Я в жертву счастье должен принести...
О! не жалею о том! – прости, прости!..»

37

Сказал, махнул рукой, и звук подков
Раздался, в отдаленьи умирая.
Едва дыша, без слез, без дум, без слов
Она стоит, бесчувственно внимая,
Как будто этот дальний звук подков

Всю будущность ее унес с собою.
О, Зара, Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; – где ж твоя мечта?
Как очи полны, как душа пуста!
Одно мгновенье тяжелей другого,
Всё, что прошло, ты оживляешь снова!
По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,
Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ бродит;
Услышав ночью топот, с ложа сна
Вскочив, дрожит, и ждет его она,
И постепенно ветром разносимый
Всё ближе, ближе топот – и всё мимо!
Так метеор порой летит на нас,
И ждешь – и близок он – и вдруг погас!
Часть вторая
High minds, of native pride and force,

Most deeply feel thy pangs, Remorse!

Fear, for their scourge, mean villains have,

Thou art the torturer of the brave!

Marmion. S. Walter-Scott.[14]

1
Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не промчится,
Дитя природы, с детской простотой,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и светло
По гладким камням в бездну ниспадая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьется стая
Пугливых, сизых, вольных голубей...
Зеленым можжевельником покрыты
Над мрачной бездной гробовые плиты
Висят и ждут, когда замолкнет вой,
Чтобы упасть и всё покрыть собой.
Напрасно ждут они! волна не дремлет.
Пусть темнота кругом ее объемлет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

2
На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой, – и ждал мгновенье,
Когда свершить придуманное мщенье;
Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники собирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной;
И, возвратясь в аул, на пир кровавый
Он пленников дрожащих приводил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

3
Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком завлекаться,

Пред ним гордиться или с ним равняться;
Не должно мыслей открывать своих,
Иль спрашивать у подданных совета,
И забывать, что лучше гор златых
Иному ласка и слова приветов?
Старайся первым быть везде, всегда;
Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умеи быть суеверен;
Страшись сначала много успевать,
Страшись народ к победам приучать,
Чтоб в слабости своей он признавался,
Чтоб каждый миг в спасителе нуждался,
Чтоб он тебя не сравнивал ни с кем
И почитал нуждою – принужденья;
Умеи отважно пользоваться всем,
И не проси никак вознагражденья!
Народ ребенок: он не хочет дать,
Не покушайся вырвать, – но украдь!

4

У Рослаббека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые;
Отцом в Россию послан Измаил,
И их надежду отняла Россия.
Четырнадцати лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чужие!
Не под персидским шелковым ковром
Родился Измаил; не песнью нежной
Он усыплен был в сумраке ночном:
Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый братом,
Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

5

Как лишний меж людьми, своим рождением
Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, преступленьем.
Он материнской ласки не знал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты;
И ветер колыбель его качал,
И месяц полуночи с ним играл!
Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был страстей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой!..
Но к русским послан он своим отцом,
И с той поры известья нет об нем...

6

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизилковых дерев
Аул рассыпан над рекою;
Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный жар,
Когда с камней восходит пар,

Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:
И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

7

Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликования;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; – но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сияньи бродит!

8

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: – темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: – он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

9

Черкесская песня
Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

* * *

Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет:
Отчего? – жена заплачет!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

* * *

Не изменит добрый конь:
С ним – и в воду и в огонь;
Он, как вихрь, в степи широкой,
С ним – всё близко, что далеко.
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

10

Откуда шум? Кто эти двое?
Толпа в молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходит князь.
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! –
Воскликнул князь. – Сама могила
Покорна им! в стране чужой
Мой брат храним был их рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»

11

И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;
Благословляя час свиданья,
Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плечи маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Рослаббек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,
Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь шумя бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? – Измаил,
Врагов отечества служитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? – и властитель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой
К себе привлечь уже не мог!
Ей всё пленительно, что ново!
«Простынет!» – мыслит Рослаббек.
Но если злобный человек
Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

12

Война!.. знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних рук
Пред алтарем погиб невинно..
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:

Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы,
Когда нас вел Ахмат-Булат!»
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! кипят они досадою, –
Что русских нет? – им крови надо!

13

Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сводам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего;
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их высота
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна
Стоит печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,
На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

14

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и дерев громада
Аргуну давит под собой.
К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападем на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной..
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,
Сгниют лишенные гробов.
Меж тем с боязнию лукавой
Начнем о мире договор,
И в тайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».

15

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,

Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.
Он вышел – все еще молчали!..

16

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье,
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнанье
Забуть меж небом и землей.
Здесь три столетья очарован,
Он тяжелой цепью был прикован,
Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,
Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полуобъятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит
И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет,
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем незримая рука
Царя лесов останавливает,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжает!..

17

Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?
Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.
На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним – но не посмели!

18

Вот что ему родной готовил край?
Сбылись мечты! увидел он свой рай,
Где мир так юн, природа так богата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник брата,

Уж клевета и зависть – всё над ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благодарил,
Всё то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Измаил?
Бывают люди: чувства – им страданья;
Причуда злой судьбы – их бытие;
Чтоб самовластье показать свое,
Она порой кидает их меж нами;
Так, древле, в море кинул царь алмаз,
Но гордый камень в свой урочный час
Ему обратно отдан был волнами!
И детям рока места в мире нет;
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут – и сгладится их след,
Как в темной туче след стрелы громовой.
Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому,
Что в море бед, как вихриих ни носят,
Они пособий от рабов не просят;
Хотятих превзойти в добре и зле,
И власти знак на гордом их челе.

19

«Бессмысленный! зачем отвергнул ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачем, когда так долго с ней сражался,
Своей судьбы ты детски испугался?
Всё прежнее, незнаемый молвой,
Ты б мог забыть близ Зары молодой,
Забыть людей близ ангела в пустыне,
Ты б мог любить, но не хотел! – и ныне
Картины счастья живо пред тобой
Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <и> плечи
Целуешь в упоеньи; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образ милый,
Волшебный взор – всё пред тобой, как было
Еще недавно; все мечты твои
Так вероятны, что душа боится,
Не веря им, вторично ошибиться!
А чем ты это счастье заменил?»
Перед огнем так думал Измаил.
Вдруг выстрел, два и много! – он вскочил,
И слушает, – но всё утихло снова.
И говорит он: «Это сон больного!»

20

Души волненьем утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, –
И что же? – призрак видит он!
Перед огнем стоит спокоен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?» –
«Гостеприимства и защиты! –
Пришлец бесстрашно отвечал, –
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спасти, убить врага ночного

Равно ты можешь! не боюсь
я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!» –
«Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

21

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не подражали.
Перед огнем враги сидят,
Хранят молчанье и не спят.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья...
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:
«Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какую грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

22

«Ты ошибаешься, черкес! –
С улыбкой русский отвечает, –
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с тобой!
Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты всё узнаешь...
И сам досадой запыхаешь...»

23

«Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И всё черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он передвсеми! томный взгляд
Восточной негой отзывался:
Для наших женщин он был яд!
Воспламенив их воображенья,
Повелевал он без труда,
И за проступок наслажденье
Не почитал он никогда;
Не знаю – было то презренье

К законам стороны чужой
Или испорченные чувства!..
Любовью женщин, их тоской
Он веселился как игрой;
Но избежать его искусства
Не удалось ни одной.

24

«Черкес! видал я здесь прекрасных
Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страстных
С приветом северных очей.
Ты не любил! – ни слов опасных,
Ни уст волшебных не знавал;
Кудрями девы золотыми
Ты в упоеньи не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Неволью к бездне подводила..
И ждал я счастливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,
Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!
Тот день я буду помнить вечно..
Черкес! черкес! ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

25

«В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальнем я краю
Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой – скромность побеждать
И, побеждая, вид покорный
Хранить; иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,
Она не знала ничего..

26

«Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таиться не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву обольститель
И удалился в край родной,
Забыв, что есть на небе мститель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,

И казни грозный меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор – душа врага узнает!
27

«Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз...
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное созданье
Я в униженьи увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <i> плясала,
Иль сидя молча у окна,
По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милой
Остановилась на былом;
Её безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем...
Какой душе не знал он цену!..» –
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про измену:
Его не слушал Измаил.
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и немой!
28

Видали ль вы, как хищные и злые,
К оставленному трупу в тихий дол
Слетаются наследники земные,
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие мгновенья,
Когда, столпясь, все адские мученья
Слетаются на сердце – и грызут!
Века печали стоят тех минут.
Лишь дунет вихрь – и сломится лилея;
Таков с душой кто слабою рожден,
Не вынесет минут подобных он:
Но мощный ум, крепясь и каменея,
Их превращает в пытку Прометея!
Не сгладит время их глубокий след:
Все в мире есть – забвенья только нет!
29

Светает. Горы снеговые
На небосклоне голубом
Зубцы поднимают золотые;
Слилися с утренним лучом
Края волнистого тумана,
И на верху горышайтана
Огонь, стыдясь перед зарей,
Бледнеет – тихо приподнялся,
Как перед смертью больной,
Угрюмый князь с земли сырой.
Казалось, вспомнить он старался
Рассказ ужасный и желал
Себя уверить он, что спал;
Желал бы счесть он всё мечтою..

И по челу провел рукою;
Но грусть жестокий властелин!
С чела не сгладил он морщин.
30

Он встал, он хочет непременно
Пришельцу быть проводником.
Не зная думать что о нем,
Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит всё: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они всё ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил,
И кто бы, кто не удивился?
По-русски с ним заговорил.

31
«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! страшись, быть может,
Раскаянье прибавишь к ней.
Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не утратила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал –
И долго русский без движенья,
Один, как вкопанный, стоял.

32
Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила,
Им всё равно! лишь только б с ним!
Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)

33
Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они: «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,

Он к нам сойдет; и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Рослаббек и уздени!»
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.

34

Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,
Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, –
Цветок для смерти слишком нежный!
Он также Измаила ждал,
Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,
Чтоб разделить с ним – хоть могилу!
Увы! такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скромный,
Глядит на мир, чтоб видеть кровь?
Зачем он здесь, и ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже
Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.
И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась невредима!

Часть третья

She told nor whence, nor why she left behind

Her all for one who seem'd but little kind.

Why did she love him? Curious fool! – be still –

Is human love the growth of human will?..

Lara. – L. Byron. [15]

1

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где велению русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток,
Быть может, скоро твой разделит рок.
Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!
Настанет час – и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим!

2

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,

Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал,
Отпрянул русский, – захрипел, – и пал!
«Отмсти, товарищ!» – и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, – черкесской вольности костер!..

3

В ауле дальнем Рослаббек угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасом объят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может брат.
Где ж Измаил? – неизвестными горами
Блуждает он, дерется с казаками,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дают;
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виденье,
И далеко и близко в то ж мгновенье.

4

Но в бурях битв не думал Измаил
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он мстил, –
И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глупцов!
Недолгий жар погас! душой усталый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул, – родные скалы
Решился он от русских защитить!

5

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою..
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! чуть приметно
Орла на вышине бесцветной;
Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,
Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосой,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих
Недвижных также, – но живых..
И, как немые жертвы гроба,
они беспечны были оба!

6

Один... так точно! – Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провожаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцырь и шелом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим
Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах..

Бои́тся он или устанет,
На Измаила только взглянет –
И весел труд ему и страх!

7

Он спит, – и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струей;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем
На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На лист увядший упадает;
Блестая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот
Пожнет коса иль конь сомнет!»

8

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Он спит; но мирная душа
Взволнована! полусловами
Он кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон
Его судьбу узнает он...
«Ты мог забыть? – любви не нужно
Одной лишь нежности наружной...
Оставь же!» – сонный говорил.
«Кого оставить?» – князь спросил.
Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?
На всем лежит его презренье...
Увы! что значат перед ним
Простая дева иль Селим?
Так будет вечно между нами...
Зачем бесценными устами
Он это имя освятил?»
«Не я ль?» – подумал Измаил.
И, погодя, он слышит снова:
«Ужасно, боже! для детей
Проклятие отца родного,
Когда на склоне поздних дней
Оставлен ими... но страшней
Его слеза!..» Еще два слова
Селим сказал, и слабый стон
Вдруг поднял грудь, как стон прощанья,
И улетел. – Из состраданья
Князь прерывает тяжкий сон.

9

И вздрогнув юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),
Щипал он листья диких роз,
И, наконец, две капли слез

В очах склоненных заблестили;
И, с быстротой отворотясь,
Он слезы осушил рукою..
Всё примечал, всё видел князь;
Но не смутился он душою
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он
Слезам страдания свои?

10

Не знаю!.. но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.
Не раз, личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; – и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему!
И презирал он этот мир ничтожный,
Где жизнь – измен взаимных вечный ряд;
Где радость и печаль – всё призрак ложный!
Где память о добре и зле – всё яд!
Где льстит нам зло, но более тревожит;
Где сердца утешать добро не может;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

11

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! вот и пыль,
Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряясь в пустыне!
Селим всё слышал на горе;
Стремглав, в пещеру он вбегает:
«Они! они!» он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался;
Он, мнилось, из земли рождался,
Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись
И не могли б вперед идти.

12

Толпа джигитов[16] удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. – Но к ним подходит князь,
И всё утихло! уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение – не страх;
Не власть его основа – мнение!
«Какие вести?» – Русский стан
Пришел к Осаевскому Полю,
Им льстит и бедность наших стран!
Их много! – «Кто не любит волю?»
Молчат. – «Так дайте ж отдохнуть
Своим коням; с зарею в путь.
В бою мы ради лечь костями;
Чего <же> лучшего нам ждать?
Но в цвете жизни умирать...

Селим, ты не поедешь с нами!..»

13

Бледнеет юноша, и взор
Понятно выразил укор: –
«Нет, – говорит он, – я повсюду,
В изгнание, в битве спутник твой;
Нет, клятвы я не позабуду –
Угаснуть или жить с тобой!
Не робок я под свистом пули,
Ты видел это, Измаил;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною был!
И с твоего чела не я ли
Смывал так часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бежали,
Чьи речи, ласки прогоняли
Суровый мрак твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня с собою!
Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? – о, нет!
Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Всё, всё оставлю, жизнь и свет,
Но не оставлю Измаила!»

14

Взглянул на небо молча князь,
И, наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..

15

По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;
На князе яркая кольчуга
Блестит краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.
И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!
Дай песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слышал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей,
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом внимает,
И песню ей пустыня повторяет:
Песня Селима
Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,

И дева ему говорит:
«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!
«Всегда награжден,
кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!
«Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят!»
Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!
«Прочь эту песню! – как безумный
Воскликнул князь, – зачем упрек?..
Тебя ль послушает пророк?..
Там, облит кровью, в битве шумной
Твои слова я заглушу,
И разорву ее оковы.
И память в сердце удушю!..
Вставайте! – как? – вы не готовы?..
Прочь песни! – крови мне!.. пора!..
Друзья! коней!.. вы не слышали..
Удары, топот, визг ядра,
И крик, и треск разбитой стали?..
Я слышал!.. О, не пой, не пой!
Тронь сердце, как дрожит, и что же?
Ты недовольна?.. боже! боже!..
Зачем казнить ее рукой?..»
Так речь его оторвалася
От бледных уст и пронеслася
Невнятно, как далекий гром.
Неровным, трепетным огнем
До половины освещенный,
Ужасен, с шашкой обнаженной
Стоял недвижим Измаил,
Как призрак злой, от сна могил
Волшебным словом пробужденный;
Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил:
Иначе, как бы Измаил
Смутиться твердой мог душою?
И понял наконец Селим,
Что витязь говорил не с ним!
Неосторожный! он коснулся
Душевных струн, – и звук проснулся,
Расторгнув хладную тюрьму..
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!
16
Толпа садится на коней;
При свете гаснущих огней
Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей..
Смех, клики, ропот, стук и ржанье!
Всё дышит буйством и войной!

Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.

17

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветер пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел, как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.
С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.
Так белый облак, в полдень знойный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут мчится мимо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

18

Уж близко роковое поле.
Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им послышалась стрельба;
И каждый миг всё боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою:
«Вперед! – воскликнул он, – за мною!»
Сказал и бросил повод.
Нет! так прекрасен никогда
Он не казался! повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,
Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
кто б не последовал за ним?

19

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрасимых удалцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым
Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблю свалился,
Другой, пробитый в грудь свинцом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле всё бился!..
Оружье брось, надежды нет,
Черкес! читай свои молитвы!
В крови твой шелковый бешмет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! и крик! – он им знаком:
То крик родной, не бесполезный!

Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне железной!..

20

Недолго Измаил стоял:
Вздохнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.
За ним, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...

21

Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских табунов,
Расседланный, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишенный;
Крестом сжав руки и кидая взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был рад;
Его печаль – была печаль героя!
И весь в поту, усталостью томим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были целы).

22

«Беда! – сказал он, – князя не видать!
Куда он скрылся?» – «Если хочешь знать,
Взгляни туда, где бранный дым краснее,
Где гуще пыль и смерти крик сильнее,
Где кровью облит мертвый и живой,
Где в бегстве нет надежды никакой:
Он там! – смотри: летит как с неба пламя;
Его шишак и конь, – вот наше знамя!
Он там! – как дух, разит и невредим,
И всё бежит иль падает пред ним!»
Так отвечал Селиму сын природы –
А лесть была чужда степей свободы!..

23

Кто этот русский? с саблею в руке,
В фуражке белой? страха он не знает!
Он между всех отличен вдалеке,
И казаков примером ободряет;
Он ищет Измаила – и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! – напрасно! – обманулся
Его свинец! – но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся,
И задрожал: «Ты вновь передо мной!
Свидетель бог: не я тому виной!..» –
Воскликнул он, и шашка зазвенела,
И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; – и конь ретивый,
Встав на дыбы, заржал, мотая гривой,

И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Не долго это сердце увядало,
И мир ему! – в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

24

Всё жарче бой; главы валяются
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,
И никому пощады нет!
Но что ж? победа изменила!
Раздался вдруг нежданный гром,
Всё в дыме скрылося густом;
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудю костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направля синие штыки,
Спешат ширванские полки.
Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но за повод коня схватил
Черкес, и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил молодой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет,
И быстро следует за ним.
Не стыд, – но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда,
И, мнится, их не узнает.

25

Чем реже нас балует счастье,
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам.
Родится ль тайное пристрастье
К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластье,
Мы всё свободнее дарим
Ему надежды и желанья;
И украшаем, какхотим,
Свои воздушные созданья!
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу.

Он не оставит гордых дум...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!
26

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет
Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстает.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи полные слезами
Порой кидает на того,
Кто всё на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!
27

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,
Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводами.
Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая,
И с неприступной высоты
На новых путников взирая;
Чернеет серна молодая;
Налево – пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем неведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремящею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи – враждебный гений,
Два гребня разделяет он.
Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,
Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!
28

Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко,
Но есть надежда! дым синеет,
Родной аул недалеко...
Там, где, кустарником покрыты,
Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый

Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;
И белый конь сильнее рванулся..
Но вдруг переднею ногой
Он остутился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.

29

И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледностьмуки на челе;
Казалось, час его кончины
Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь, и в миг единый
Из человека сделать – прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
Нет! нет! ведь здесь еще Селим..
Склонясь в отчаяньи над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцырь и шелом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье
Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..

30

Встает, глядит кругом Селим:
Всё неподвижно перед ним!
Зовет: – и тучка дождевая
Летит на зов его одна,
По ветру крылья простирая,
Как смерть, темна и холодна.
Вот, наконец, сырым покровом
Одела путников она,
И юноша в испуге новом!
Прижавшись к Другу с быстротой:
«О, пощади его!.. Пстой! –
Воскликнул он, – я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю так страстно,
Кого слабей нельзя любить!
Ступай! Ищи других по свету..
Все жертвы бога твоего!..
Ужельменя несчастней нету?
И нет виновнее его?»

31

Меж тем, подобно дымной тени,
Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладой мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздыхнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;

И, каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И всё, что близко, отдаленно,
Пред ним яснее постепенно...
Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! – и что же перед ним?
Глядит – уста оледенели,
И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский язык!
32

Селим... и кто теперь не отгадает?
На нем мохнатой шапки больше нет,
Раскрылась грудь; на шелковый бешмет
Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!
Молитва стихла на устах!.. а взор...
О небо! небо! Есть ли в куцах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить жаль?
Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? и плачет ли она,
И любит ли? но понял я молчанье!
Не встретить мне подобное созданье;
На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна...
33

Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны;
Поцеловал он нежные ланиты –
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,
Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?
Их речи – пламень! вечная пустыня
Восторгом и блаженством их полна.
Любовь для неба и земли святыня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладострастье;
И только люди покупают счастье!
* * *

Прошло два года, всё кипит война;
Бесплодного Кавказа племена
Питаются разбоем и обманом;
И в знойный день, и под ночным туманом
Отважность их для русского страшна.
Казалось, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селим
Теперь уже не следует за ним?
Куда лезгинка нежная сокрылась?
Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце билось,
Каким владеть он недостоин был?
Измена ли причина их разлуки?
Жива ль она иль спит последним сном?
Родные ль в гроб ее сложили руки?
Последнее «прости» с слезами муки
Сказали ль ей на языке родном?
И если смерть щадит ее поныне –
Между каких людей, в какой пустыне?
Кто б Измаила смел спросить о том?
Однажды, в час, когда лучи заката
По облакам кидали искры злата,
Задумчив на кургане Измаил

Сидел: еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем!
Четыре горца близ него стояли,
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнет в глубину морей
И в сердце, где тоска, – но нет страстей?
О чем бы он ни думал, – запад дальный
Не привлекал мечты его печальной;
Другие воспоминанья и другой,
Другой предмет владел его душой.
Но что за выстрел? – дым взвился, белея.
Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на земле,
С печатью смерти на крутом челе,
Друзьями окружен, любимец брани
Лежал, навеки нем для их призваний!
Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал
Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то оставалось,
Что мысль, которой угнетен был ум,
Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от тела,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник вероломный!
Ты сам наметил выстрел роковой,
Ты не нашел в горах руки наемной!
Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? – какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятый,
И белый крест на ленте полосатой
Блестали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? – Джяур проклятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный Измаилу
Отступнику не выроет могилу!
Того, кто презирал людей и рок,
Кто смертью играл так своенравно,
Лишь ты низвергнуть смел, святой пророк!
Пусть, не оплакан, он сгниет бесславно,
Пусть кончит жизнь, как начал – одинок».

Литвинка*

Повесть

1

Чей старый терем на горе крутой
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью своей?
Кто темным сводам поверять привык
Молитвы шопот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспаривать не смел
Еще никто; – он больше не хотел!

Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на войне,
Когда к нему являлись оне, –
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не знал;
Не потому ль, что слишком рано он
Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча,
И красная являлась епанча,
Бежал татарин, и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

3

И возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла –
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! – Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных наград?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

4

Два дня прошло, – и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решилась с ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь – одна молитва будет там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвись и им дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и закон,
Всё презирал для новой страсти он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких слов
Из хитрых уст, Арсений был готов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, всё, – в угодность ей!

5

Светило дня, краснея сквозь туман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит прощальный луч,
Так сладостно, так тихо и светло,
Как будто мира мрачное чело

Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы той,
Где так недавно с радостью живой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадою сын ее
Чуть поднимал отцовское копье; –
Теперь... где сын и мать? – На месте их
Сидит литвинка, дочь степей чужих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользая,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...
И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! – Там никто бы ей
Не смел сказать: хочу любви твоей!..

6

Она должна с покорностью немой
Любить того, кто грозною войной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных слов
Затверживать, и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью принуждать,
И страстью небывалой объяснять
Летучий вздох и влажный пламень глаз;
Она должна... но мщенью будет час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И веря той улыбке, восхищен
Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный войной;
Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара говорит:
«Ты любишь ли меня?» – «Какой вопрос? –
Воскликнул он. – Кто ж больше перенес
И для тебя так много погубил,
Как я? – и твой Арсений не любил?
И, – человек, – я б мог обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот – мой рай
У ног твоих! – и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадою дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей:
Суров и дик между других людей!

Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб – но лишь не раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

8

«О, если б точно ты любил меня! –
Сказала Клара, голову склоня, –
Я не жила бы в тереме твоём.
Ты говоришь: он мой! – А что мне в нём?
Богатством дивным, гордой высотой
Очам он мил, – но сердцу он чужой.
Здесь в роце воды чистые текут –
Но речку ту не Вилией зовут;
И ветер, здесь колеблющий траву,
Мне не приносит песни про Литву!
Нет! русский, я не верую любви!
Без милой воли, что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укор
Изобразил презренья хладный взор.
Недвижим был Арсений близ нее,
И, кроме воли, отдал бы он всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство – яд.

9

Но что за гость является ночной?
Стучит в ворота сильною рукой,
И сторож, быстро пробудясь от сна,
Кричит: «Кто там?» – «Впустите! ночь темна!
В долине буря свищет и ревет,
Как дикий зверь, и тмит небесный свод;
Впустите обогреться хоть на час,
А завтра, завтра мы оставим вас,
Но никогда в молениях своих
Гостеприимный кров степей чужих
Мы не забудем!» Страж не отвечал;
Но ключ в замке упрямо завизжал,
Об доски тяжкий загремел затвор,
Расхлопнулись ворота – и на двор
Два странника въезжают. Фонарем
Озарены, идут в господский дом.
Широкий плащ на каждом, и порой
Звенит и блещет что-то под полой.

10

Арсений приглашает их за стол,
И с ними речь приветную завел;
Но странники, хоть им владелец рад,
Не много пьют и меньше говорят.
Один из них еще во цвете лет,
Другой, согбенный жизнью, худ и сед,
И по речам заметно, что привык
Употреблять не русский он язык.
И младший гость по виду был смелей:
Он не сводил пронзительных очей
С литвинки молодой, и взор его
Для многих бы не значил ничего..
Но видно ей когда-то был знаком
Тот дикий взор с возвышенным челом!
Иль что-нибудь он ей о прошлых днях
Напоминал! как знать? – не женский страх
Ее заставил вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспешно отвернуть,
И белою рукой закрыть глаза,

чтоб изменить не смела ей слеза!..

11

«Ты побледнела, Клара?» – «я больна!»
И в комнату свою спешит она.
Окно открывши, села перед ним,
чтоб освежиться воздухом ночным.
Туман в широком поле, огонек
Блестит вдали, забыт и одинок;
И ветер, нарушитель тишины,
Шумит, скользя во мраке вдоль стены;
То лай собак, то колокола звон
Его дыханьем в поле разнесен.
И Клара внемлет. – О как много дум
Вмещал в себе беспечный, резвый ум;
О! если б кто-нибудь увидеть мог
Хоть половину всех ее тревог,
Он на себя, не смея измерять,
всю тягость их решился бы принять,
чтобы чело, где радость и любовь
Сменялись прежде, прояснилось вновь,
чтоб заиграл румянец на щеках
Как радуга в вечерних облаках...
И что могло так деву взволновать?
Не пришлецы ль? – Но где и как узнать?
Чем для души страдания сильней,
Тем вечный след их глубже тонет в ней,
Покуда всё, что небом ей дано,
Не превратят в страдание одно.

12

Раздвинул тучи месяц золотой,
Как херувим духов враждебных рой,
Как упованья сладостный привет
От сердца гонит память прошлых бед.
Свидетель равнодушный тайн и дел,
Которых день узнать бы не хотел,
А тьма укрыть, он странствует один,
Небесной степи бледный властелин.
Обрисовав литвинки юный лик,
В окно светлицы луч его проник,
И, придавая чудный блеск стеклу,
Беспечно разыгрался на полу,
И озарил персидский он ковер,
Высоких стен единственный убор.
Но что за звук раздался за стеной?
Протяжный стон, исторгнутый тоской,
Подобный звуку песни... если б он
Неведомым певцом был повторен...
Но вот опять! Так точно... кто ж поет?
Ты, пленница, узнала! верно тот,
Чей взор туманный, с пасмурным челом,
Тебя смутил, тебе давно знаком!
Несбыточным мечтаньям предана,
К окну склонившись, думает она:
В одной Литве так сладко лишь поют!
Туда, туда меня они зовут,
И им отозвался в груди моей
Такой же звук, залог счастливых дней!

13

Минувшее дышало в песни той,
Как вольность – вольной, как она – простой;
И всё, чем сердцу родина мила,
В родимой песни пленница нашла.
И в этом наслажденьи был упрек;
И всё, что женской гордости лишь мог
Внушить позор, явилось перед ней,
Хладней презренья, мщенья страшней.
Она схватила лютню, и струна
Звенит, звенит... и вдруг пробуждена

Восторгом и надеждою, в ответ
Запела дева!.. этой песни нет
Нигде. – Она мгновенна лишь была,
И в чьей груди родилась – умерла.
И понял, кто внимал! – Не мудрено:
Понятье о небесном нам дано,
Но слишком для земли нас создал бог,
Чтоб кто-нибудь ее запомнить мог.

14

Взошла заря, и отделился лес
Стеной зубчатой на краю небес.
Но отчего же сторож у ворот
Молчит и в доску медную не бьет?
Что терем не обходит он кругом?
Ужель он спит? – Он спит – но вечным сном!
Тяжелый кинут на землю затвор;
И близ него старик: закрытый взор,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся в крови седая борода.
Сбежалась куча боязливых слуг;
С бездействием отчаянья вокруг
Убитого, при первом свете дня,
Они стояли, головы склоняя;
И каждый состраданием пылал,
Но что начать, никто из них не знал.
И где ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула над сердцем старика?
Кто растворил высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустил на двор? Чей пояс голубой
В песке затоптан маленькой ногой?
Где странники? К воротам виден след..
Понятно всё... их нет! – и Клары нет!

15

И долго неожиданную весть
Никто не смел Арсению принести.
Но наконец решились: он внимал,
Хотел вскочить, и неподвижен стал,
Как мраморный кумир, как бы мертвец,
С открытым взором встретивший конец!
И этот взор, не зря, смотрел вперед,
Блестя огнем, был холоден как лед,
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И речь от синих губ оторвалась:
На клятву походила речь его,
Но в ней никто не понял ничего;
Она была на языке родном –
Но глухо пронеслась, как дальний гром!..

16

Бежали дни, Арсений стал опять,
Как прежде, видеть, слышать, понимать,
Но сердце, пораженное тоской,
Уж было мертво, – хоть в груди живой.
Умел изгнать он из него любовь; –
Но что прошло, небывшим сделать вновь
Кто под луной умеет? Кто мечтам
Назначит круг заветный, как словам?
И от души какая может власть
Отсечь ее мучительную часть?
Бежали дни, ничем уж не был он
Отныне опечален, удивлен;
Над ним висеть, чернеть гроза могла,
Не изменив обычный цвет чела;
Но если он, не зная отвести,
Удар судьбы умел перенести,
Но если показать он не желал,
Что мог страдать, как некогда страдал,
То язва, им презренная, потом

Всё становилось глубже, – день со днем! –

Он Клару не умел бы пережить,
Когда бы только смерть... но изменить? –

И прежде презирал уж он людей:

Отныне из безумца – стал злодей.

И чем же мог он сделаться другим,

С его умом и сердцем огневым?

17

Есть сумерки души, несчастья след,
Когда ни мрака в ней, ни света нет.

Она сама собою стеснена,

Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;

И небо обвинить нельзя ни в чем,

И как на зло всё весело кругом!

В прекрасном мире – жертва тайных мук,

В созвучии вселенной – ложный звук,

Она встречает блеск природы всей,

Как встретил бы улыбку палачей

Приговоренный к казни! – И назад

Она кидает беспокойный взгляд,

Но след волны потерян в бездне вод,

И лист отпавший вновь не зацветет!

Есть демон, сокрушитель благ земных,

Он радость нам дарит на краткий миг,

Чтобы удар судьбы сразил скорей.

Враг истины, враг неба и людей,

Наш слабый дух ожесточает он,

Пока страданья не умчат как сон

Всё, что мы в жизни ценим только раз,

Всё, что ему еще завидно в нас!..

18

Против Литвы пошел великий князь.

Его дружины, мстью воспалась,

Грозят полям и рощам той страны,

Где загорится пламенный войны.

Желая защищать свои права,

Дрожит за вольность гордая Литва,

И клевы хищных птиц, и зуб волков

Скользят уж по костям ее сынов.

19

И в русский стан, осенним, серым днем,

Явился раз, один, без слуг, пешком,

Боец, известный храбростью своей, –

И сделался предметом всех речей.

Давно не поднимал он щит и шлем,

Заржавленный покоем! – И зачем

явился он? Не честь страны родной

Он защищать хотел своей рукой;

И между многих вражеских сердец

Одно лишь поразить хотел боец.

20

Вдоль по реке с бегущею волной

Разносит ветер бранный шум и вой?

В широком поле цвет своих дружин

Свели сегодня русский и литвин.

Чертой багряной серый небосклон

От голубых полей уж отделен,

Темнеют облака на небесах,

И вихрь несет в глазах песок и прах:

Всё бой кипит; и гнется русский строй,

И, окружен отчаянной толпой,

Хотел бежать... но чей знакомый глас

Все души чудной силою потряс?

Явился воин: красный плащ на нем,

Он без щита, он уронил шлем;

Вооружен секирою стальной,

Предстал – и враг валится, и другой,

С запекшеюся кровью на устах,

Упал с ним рядом. Обнял тайный страх

Сынов Литвы: ослушные кони
Браздам не верят! тщетно бы они
Хотели вновь победу удержать:
Их гонят, бьют, они должны бежать!
Но даже в бегстве, обратясь назад,
Они ударов тяжких сыплют град.

21

Арсений был чудесный тот боец.
Он кровию решился наконец
Огонь в груди проснувшийся залить.
Он ненавидит мир, чтоб не любить
Одно созданье! Кучи мертвецов
Кругом него простерты без щитов,
И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давних пор.
Арсений шел, опередив своих,
Как метеор меж облаков ночных;
Когда ж заметил он, что был один
Среди жестоких, вражеских дружин,
То было поздно! – «Вижу, час настал!» –
Подумал он, и меч его искал
Своей последней жертвы. – «Это он!» –
За ним воскликнул кто-то. – Поражен,
Арсений обернулся, – и хотел
Проклятье произнести, но не умел.
Как ангел брани, в легком шишаке,
Стояла Клара, с саблею в руке;
И юноши теснились за ней,
И словом, и движением очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, их судьбой.
И встретивши Арсения, она
Не вздрогнула, не сделалась бледна,
И тверд был голос девы молодой,
Когда, взмахнувши белою рукой,
Она сказала: «Воины! вперед!
Надежды нет, покуда не падет
Надменный этот русский! Перед ним
Они бегут – но мы не побежим.
Кто первый мне его покажет кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

22

Арсений отвернул надменный взор,
Когда он услышал свой приговор.
«И ты против меня!» – воскликнул он;
Но эта речь была скорее стон,
Как будто сердца лучшая струна
В тот самый миг была оборвана.
С презреньем меч свой бросил он потом,
И обернулся медленно плащом,
Чтобы из них никто сказать не смел,
Что в час конца Арсений побледнел.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой так хотелось отдохнуть,
Где столько лет с добром боролось зло,
И наконец оно превозмогло.
Как царь дубровы, гордо он упал,
Не вздрогнул, не взглянул, не закричал.
Хотя б молитву или злой упрек
Он произнес! Но нет! он был далек
От этих чувств: он век счастливый свой
Опередил неверючей душой;
Он кончил жизнь с досадой на челе,
Жалея, мысля об одной земле, –
Свой ад и рай он здесь умел сыскать.

23

И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святыя образа, дубовый стол
И пестрые ковры! и гладкий пол
Не скрипнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и молодой.
Ни острый меч в серебряных ножнах,
Ни шлем стальной не блещут на стенах;
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб! – в покое лишь одном
Всё, всё как прежде: лютя у окна,
И вокруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный ветер ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна – нескромная луна!

24

Есть монастырь, и там в неделю раз
За упокой молящих слышен глас,
И с честью пред набожной толпой
Арсений поминается порой.
И блещет в церкви длинный ряд гробов,
Украшенный гербом его отцов;
Но никогда меж них не будет тот,
С которым славный кончился их род.
Ни свежий дерн, ни пышный мавзолей
Не тяготит сырых его костей;
Никто об нем не плакал... лишь одна,
Монахиня!.. Бог знает, кто она?
Бог знает, что пришло на мысли ей
Жалеть о том, кто не жалел об ней!..
Увы! Он не любил, он не жалел,
Он даже быть любимым не хотел,
И для нее одной был он жесток:
Но разве лучше поступил с ним рок?
И как не плакать вечно ей о том,
Кто так обманут был, с таким умом,
Кто на земле с ней разлучен судьбой,
И к счастью не воскреснет в жизни той?..
В печальном только сердце может страсть
Иметь неограниченную власть:
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает: молода
И зелена – и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит!
И часто отдыхающий прошлец
Грустит об ней, и мыслит: наконец
Порывам бурь и зною предана,
Увянет преждевременно она!..
Но что ж! – усилья вихря и дождей
Не могут обнажить ее корней,
И пыльный лист, встречая жар дневной,
Трепещет всё на ветке молодой!..
Аул Бастунджи*

Посвященье

1

Тебе, Кавказ, – суровый царь земли –
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;

На севере в стране тебе чужой
Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!..

2

Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня лелея ты
В объятия из синего тумана.
И я глядел в восторге с высоты,
И подо мной, как остов великана,
В степи обросший мохом и травой,
Лежали горы грудой вековой.

3

Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые;
Когда по ним гремя катался гром,
И пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры окликались кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою душой
Летал на колеснице громовой!..

4

Моей души не понял мир. Ему
Души не надо. Мрак ее глубокой
Как вечности таинственную тьму
Ничье живое не проникнет око.
И в ней – то недоступные уму
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле... ни свет, ни шум земной
Их не убьет... я твой! я всюду твой!..

Глава первая

I

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград
Цепляясь вьется длинными хвостами
Вокруг камней, покрытых сединой,
С вершин соседних сброшенных грозой!..

II

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боле;
И в знойный, летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле;
И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это поле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

III

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, – пустынная змея
Из-под камней резвяся выползает;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, как блистает
Разбитый меч, оставленный бойцом
В густой траве на поле роковом.

IV

Сгорел аул – и слух об нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. – И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

V

В ауле том без ближних и друзей

Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Акбулата.
Меньшой был слаб и нежен с юных дней,
Как цвет весенний под лучом заката!
Чуждался битв и крови он и зла,
Но искра в нем таилась... и ждала...

VI

Отец их был убит в чужом краю.
А мать Селим убил своим рождением,
И, хоть невинный, начал жизнь свою,
Как многие кончают, преступленьем!
Он душу не обрадовал ничью,
Он никому не мог быть утешеньем;
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!..

VII

Он рос один... по воле, без забот,
Как птичка, меж землей и небесами!
Блуждая с детства среди родных высот,
Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один безбрежный свод;
Порой в степи застигнутый мечтами
Один сидел до поздней ночи он,
И вокруг него летал чудесный сон.

VIII

И земляки – зачем? то знает бог –
Чуждались их беседы; особливо
Паслись их кони... и за их порог
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селим не мог,
Свой тонкий стан высокий и красивый
В бешмет шелковый праздничный одев,
Привлечь одной улыбки гордых дев.

IX

Сбиралась ли ватага удалцов
Отбить табун, иль бранною забавой
Потешиться... оставя бедный кров,
Им вслед, с усмешкой горькой и лукавой,
Смотрели братья, сумрачны, без слов,
Как смотрит облак иногда двуглавый,
Засев меж скал, на светлый бег луны,
Один, исполнен грозной тишины.

X

Дивились все взаимной их любви,
И не любил никто их... оттого ли,
Что никому они дела свои
Не поверяли, и надменной воли
Склонить пред чуждой волей не могли?
Не знаю, – тайна их угрюмой доли
Темнее строк, начертанных рукой
Прохожего на плите гробовой...

XI

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зеленый.
Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой,
Два башлыка, две шашки боевых,
Да два ружья, которых ствол граненый,
Едва прикрытый шерстяным чехлом,
Был закопчен в дыму пороховом.

XII

Однажды... Акбулата ждал Селим
С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился как прозрачный дым;
И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, густым
Одетых мраком, дикую картину

Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.

XIII

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.
С мечети слез мулла; аул дремал...
Лишь в крайней сакле огонек блистал.

XIV

И ждет Селим – сидит он час и два,
Гуляя в поле, горный ветер плачет,
И под окном колыхнется трава.
Но чу! далекий топот... кто-то скачет...
Примчался; фыркнул конь, заржал... Сперва
Спрыгнул один, потом другой... что это значит?
То не сайгак, не волк, не зверь лесной!
Он прискакал с добычею иной.

XV

И в саклю молча входит Акбулат,
Самодовольно взорами сверкая.
Селим к нему: «Ты загулялся, брат!
Я чай, с тобой не дичь одна лесная».
И любопытно он взглянул назад,
И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила как херувим;
И побледнел невольно мой Селим.

XVI

И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное что-то.
«Люби ее! она моя жена! –
Сказал тогда Селиму брат. – Охотой
Родной аул покинула она.
Наш бедный дом храним ее заботой
Отныне будет. Зара! вот моя
Отчизна, всё богатство, вся семья!..»

XVII

И Зара улыбнулась, и уста
Хотели вымолвить слова привета,
Но замерли. – Вдоль по челу мечта
Промчалась тенью. По словам поэта,
Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света;
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая покров;

XVIII

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены душой,
Они блаженством сердцу говорили!
Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без усилий;
Сквозь черный шелк витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

XIX

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесемкой золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.
Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной дикой простотою,
Как южный плод румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

XX

Селим смотрел. Высоко билось в нем
Встревоженное сердце чем-то новым.

Как сладко, страстно пламенным челом
Прилег бы он к грудям ее перловым!
Он вздрогнул, вышел... сумрачен лицом,
Кинжал рукою стиснув. – На шелковом
Ковре лениво Акбулат лежал,
Курил и думал... О! когда б он знал!..

XXI

Промчался день, другой... и много дней;
Они живут как прежде нелюдимо.
Но раз... шумела буря. Всё черней
Утесы становились. С воем мимо,
Подобно стае скачущих зверей,
Толпою резвых жадных псов гонимой,
Неслися друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.

XXII

Очами Акбулат их провожал
Задумчиво с порога сакли бедной.
Вдруг шорох: он глядит... пред ним стоял
Селим, без шапки, пасмурный и бледный;
На поясе звеня висел кинжал,
Рука блуждала по оправе медной;
Слова кипели смутно на устах,
Как бьется пена в тесных берегах.

XXIII

И юноше с участием живым
Он молвил: «Что с тобой? – не понимаю!
Скажи!» – «Я гибну! – отвечал Селим,
Сверкая мутным взором, – я страдаю!..
Одною думой день и ночь томим!
Я гибну!.. ты ревнив, ты вспыльчив: знаю!
Безумца не захочешь ты спасти..
Так, я виновен... но, прости!.. прости!..»

XXIV

«Скажи, тебя обидел кто-нибудь? –
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропал? – Забудь об нем, забудь,
В горах коня красивее найду я!..
Иль от любви твоя пылает грудь?
И чуждой девы хочешь поцелуя?..
Ее увезть легко во тьме ночной,
Она твоя!.. но молви: что с тобой?»

XXV

«Легко спросить... но тяжело рассказать
И чувствовать!.. Молился я пророку,
Чтоб ангелам велел он ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку!..
Ты видишь: есть ли слезы?.. О! не трать
Молитв напрасных... к яркому востоку
И западу зывал я... но в моей
Душе всё шевелится грусть, как змей!..

XXVI

«Я проклял небо – оседлал коня;
Пустился в степь. Без цели мы блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня..
Но вслед за мной мечты мои скакали!
Я гибну, брат!.. пойми, спаси меня!
Твоя душа не крепче бранной стали;
Когда я был ребенком, ты любил
Ребенка... помнишь это? иль забыл?..

XXVII

«Послушай!.. бурно молодость во мне
Кипит, как жаркий ключ в скалах Машука!
Но ты, – в твоей суровой седине
Видна усталость жизни, лень и скука.
Пускай летать ты можешь на коне,
Звенящую стрелу бросать из лука,
Догнать оленя и врага сразить...

Но... так, как я, не можешь ты любить!..

XXVIII

«Не можешь ты безмолвно целый час
Смотреть на взор живой, но безответный,
И утопать в сияньи милых глаз,
Тая в груди, как мечь, огонь заветный!
Обнявши Зару, я видал не раз,
Как ты томился скукою приметной..
Я б отдал жизнь за поцелуй такой,
И... если б мог, не пожалел другой!..»

XXIX

Как облака, висящие над ним,
Стал мрачен лик суровый Акбулата;
Дрожь пробежала по усам седым,
Взор покраснел, как зарево заката.
«Что произнести решился ты, Селим!» –
Воскликнул он. Селим не слушал брата.
Как бедный раб он пал к его ногам,
И волю дал страданью и мольбам.

XXX

«Ты видишь: я погиб!.. спасенья нет..
Отчаянье, любовь... везде! повсюду!..
О! ради прежней дружбы... прежних лет..
Отдай мне Зару!.. уступи!.. я буду
Твоим рабом... послушай: сжался!.. нет,
Нет!.. ты меня как ветхую посуду
С презреньем гордым кинешь за порог..
Но, видишь: вот кинжал! – а там: есть бог!..

XXXI

«Когда б хотел, я б мог давно, поверь,
Упитья счастьем, презреть всё святое!
Но я подумал: нет! как лютый зверь
Он растерзает сердце молодое! –
И вот пришло раскаянье теперь,
Пришло – но поздно! я ошибся вдвое,
Я, как глупец, остался на земли,
Один, один... без дружбы и любви!..

XXXII

«Что медлить: я готов – не размышляй!
Один удар – и мы спокойны оба.
Увы! минута с ней – небесный рай!
Жизнь без нее – скучней, страшнее гроба!
Я здесь, у ног твоих... решишь иль знай:
Любовь хитрей, чем ревность или злоба;
Я вырву Зару из твоих когтей;
Она моя – и быть должна моей!»

XXXIII

Умолк. Бледней снегов был нежный лик,
В очах дрожали слезы исступленья;
Меж губ слова слились в невнятный крик,
Мучительный, ужасный... сожаленье
Угрюмый брат почувствовал на миг:
«Пройдет, – сказал он, – время заблужденья!
Есть много звезд: одна другой светлей;
Красавиц много без жены моей!..

XXXIV

«Что дал мне бог, того не уступлю;
А что сказал я, то исполню свято.
Пророк зрит мысль и слышит речь мою!
Меня не тронут ни мольбы, ни злато!..
Прощай... но если! если...» – «Я люблю,
Люблю ее! – сказал Селим, объятый
Тоской и злобой, – я просил, скорбел..
Ты не хотел!.. так помни ж: не хотел!»

XXXV

Его уста скривил холодный смех;
Он продолжал: «Всё кончено отныне!
Нет для меня ни дружбы, ни утех!..

Благодарю тебя!.. ты, как об сыне,
Об юности моей пекся: сказать не грех...
По воле нежил ты цветок в пустыне,
По воле оборвал его листы...
Я буду помнить – помни только ты!..»

XXXVI

Он отвернулся и исчез как тень.
Стоял недвижим Акбулат смущенный,
Мрачней, чем громом опаленный пенъ.
Шумела буря. Ветром наклоненный
Скрипел полуразрушенный плетень;
Да иногда грозю заглушенный
Из бедной сакли раздавался вдруг
Беспечной, нежной, вольной песни звук!..

XXXVII

Так, иногда, одна в степи чужой
Залетная певичка, птичка юга,
Поет на ветке дикой и сухой,
Когда вокруг шумит, бушует вьюга.
И путник внемлет с тайною тоской,
И думает: то верно голос друга!
Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать мою!..

XXXVIII

Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сцепились два ремня.
Стремёна ровны; плетка шелковáя
На арчаге мотается. Храпит,
Косится конь... пора, садись, джигит.

XXXIX

Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный уголь, его сверкает око!
Нога стройна, косматый хвост трубой;
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сглаженный волной!
Как саранча, легко в степи широкой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!..

XL

И молча на коня вскочил Селим;
Нагайкою махнул, привстал немного
На стременах... затрепетал под ним
И захрапел товарищ быстроногой!
Скачок, другой... ноздрями пар как дым...
И полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный грозой,
Летит крутясь по степи голубой!..

XLI

Размашисто скакал он; и кремни,
Как брызги рассыпаяся, трещали
Под звонкими копытами. Они
Сырую землю мерно поражали;
И долго вслед ущелия одни
Друг другу этот звук передавали,
Пока вдали, мгновенный, как Симун,
Не скрылся всадник и его скакун...

XLII

Как дух изгнанья, быстро он исчез
За пеленой волнистого тумана!..
У табуна сторожевой черкес,
Дивясь, долго вслед ему с кургана
Смотрел и думал: «Много есть чудес!..
Велик аллах!.. ужасна власть шайтана!
Кто скажет мне, что этого коня
Хозяин мрачный – сын земли, как я?»

Глава вторая

I

Меж виноградных лоз нагорный ключ
От мирного аула недалеко
Бежал по камням, светел и гремуч.
Небес восточных голубое око
Гляделось в нем; и плавал жаркий луч
В его волне студеной и глубокой;
И мелкий дождь серебряных цветов
В него с прибрежных сыпался дерев.

II

Вот мирный час, когда на водопад
Бежит к потоку серн пугливых стая,
Шумя по листьям и траве густой.
Вот час, когда черкешенка младая
Идет купаться тайною тропой.
Нагую ножку в воду погружая,
Она дрожит, смеется... и вокруг
Кидает взгляд, где дышит страсть и юг!

III

Не бойся, Зара! – всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покров узорный!
Вода в ручье прозрачна, холодна;
Смирит волненье груди непокорной
И освежит твой смуглый стан она.
Но, чу!.. постой!.. чей это шаг проворный
Не в добрый час раздался меж кустов?..
Святой пророк! – скорей, где твой покров?..

IV

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватает руку Зары. Страстен, молод
Огонь руки сей!.. Сакля далека..
Что делать? – в грудь ее смертельный холод
Проник, как пуля меткого стрелка,
И сердце громко билось в ней, как молот!
«Селим, ты здесь? злой дух тебя принес!
Зачем пришел ты?» – «Я?.. какой вопрос!»

V

«Селим!.. о!.. я погибла!..» – «Может быть;
Так что ж!» – «Ужель! ни капли сожаленья!
Чего ты хочешь?» – «Я хочу любить!
Хочу! – ты видишь: краткие мученья
Меня уж изменили... скучно жить,
Как зверю, одному... часам терпенья
Настал последний срок! – я снова здесь.
Я твой: навек, душой и телом: весь!»

VI

«Я знал, что ваш пророк – не мой пророк,
Что люди мне – чужие, а не братья;
И странствовал в пустыне одинок
И сумрачен, как див, дитя проклятья!
Без страху я давно б в могилу слег;
Но холодны сырой земли объятья..
Ах! я мечтал хоть миг один заснуть,
Мою главу склонив к тебе на грудь!..»

VII

«Беги со мной!.. оставь свой бедный дом.
Я молод, свеж; твой муж – старик суровый!
Решись, спеши: мне тайный путь знаком;
Мое ружье верней стрелы громовой;
Кинжал мой блещет гибельным лучом;
Моя рука быстрее, чем взгляд и слово;
И у меня жилище есть в горах,
Где отыскать нас может лишь аллах!»

VIII

«Мой дом изрыт в расселинах скалы:
В нем до меня два барса дружно жили.
Узнав пришельца, голодны и злы,

Они, воспрянув, бросились, завывли...
Я их убил – и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили;
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим зверям.

IX

«Там ложе есть из моха и цветов,
Там есть родник, меж камней иссеченный;
Его питает влага облаков,
И брызжет он журча струею пленной.
Беги со мной!.. никто твоих следов
Не различит в степи, мой друг бесценный!
И только месяц с солнцем золотым
Узнают, как и кто тобой любим!..»

X

Обнявши стан ее полунагой,
Едва дыша, склонившись к ней устами,
Он ждал ответа с страхом и тоской:
Она молчала – шаткими ветвями
Шумел над ними ветер полевой,
И тени листьев темными рядами
Бродили по челу ее: она,
Как мраморный кумир, была бледна.

XI

«Решись же, Зара: ждать я не могу!..
Ты побледнела?.. что такое?.. слезы?
Но разве здесь ты предана врагу?
Иль речь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь? нет! я лгу...
Твои уста нежней иранской розы:
Они не могут это произнести!..
Пусть нет в тебе любви... но... жалость есть!

XII

«О, как я был бы счастлив, как богат,
Под звездами аллы, один с тобою!..
Скажи: тебя не любит Акбулат?
Он зол, ревнив, он пасмурен душою,
И речь его хладнее, чем булат?..
Он для тебя постыл... беги со мною...
Но ты качаешь молча головой...
Не он тобой любим!!.. но кто ж другой?

XIII

«Скорей: откуда? где он? назови –
Я вытвержу зловещее названиее...
Я обниму как брата – и в крови
Запечатлею братское лобзанье.
Кто ж он, счастливый царь твоей любви?
Пускай придет дразнить мое страданье,
При мне тебя и нежить и ласкать...
Я рад смотреть, клянусь... и рад молчать!..»

XIV

И он склонил мятежную главу,
И он закрыл лицо свое руками,
И видно было ей, как на траву
Упали две слезы двумя звездами.
Без смысла и без звука, на яву,
Как бы во сне, он шевелил устами
И наконец припал к земле сырой,
Как та земля, и хладный и немой.

XV

Ей стало жаль; она сказала вдруг:
«Не плачь!.. ужасен вид твоей печали!
Отец мой был великий воин: юг
И север и восток об нем слышали.
Он был свирепый враг, но верный друг,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну – но не изменю!..»

XVI

«Оставь меня! Я счастлива с другим!» –
«Неправда!» – «Я люблю его!» – «Конечно!!!
Он мой злодей, мой враг!!» – «Селим! Селим!
Кто ж виноват?» – «Он прав?» – «Ужели вечно
Не примиритесь вы?» – «Мириться? с ним?
Да кто же я, чтоб злобой скоротечной
Дразнить людей и небо!» – «Ты жесток!» –
«Как быть? такую душу дал мне рок!»

XVII

«Прощай! уж поздно! Бог рассудит нас!
Но если я с тобой увижусь снова,
То это будет – знай – в последний раз!..»
Он тихо встал, и более ни слова,
И тихо удалился. День угас;
Лишь бледный луч из-за Бешту крутого
Едва светил прощальною струей
На бледный лик черкешенки молодой!

XVIII

Селим не возвращался. Акбулат
Спокоен. Он не видит, что порою
Его жены доселе ясный взгляд
Туманится невольною слезою.
Вот, раз, с охоты ехал он назад:
Аул дремал в тени таясь от зною;
С мечети божей лишь мулла седой
Ему смеясь кивает головой

XIX

И говорит: «Куда спешить, мой сын!
Не лучше ли гулять в широком поле?
Черкес прямой – всегда, везде один,
И служит только родине да воле!
Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен боле;
Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул – а купил коня!»

XX

«Молись себе пророку, злой мулла,
И не мешайся так в дела чужие.
Твой верен глаз – моя верней стрела:
За весь табун твой не отдам жены я!»
И тот в ответ: «Я не желаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои простые!»
Смутился Акбулат – потупил взор
И скачет он скорей к себе на двор.

XXI

С дрожащим сердцем в саклю входит он,
Глядит: на ложе смятом и разрытом
Кинжал знакомый блещет без ножен.
Любимый конь не ржет, не бьет копытом,
Нейдет навстречу Зара: мертвый сон
Повсюду. Лишь на очаге забытом
Сверкает пламень. – Он не взвидел дня:
Нет ни жены! ни лучшего коня!!!..

XXII

Без сил, без дум, недвижим, как мертвец,
Пронзенный сзади пулею несмелой,
С открытым взором встретивший конец,
Присел он на порог – и что кипело
В его груди, то знает лишь творец!
Часы бежали. Небо потемнело;
С росой на землю пала тишина;
Из туч косматых прынула луна.

XXIII

Бледней луны сидел он недвижим.
Вдруг слышен топот: всё ясней, яснее,
Вот мчится в поле конь. Как легкий дым
Волною грива хлещет вдоль по шее;

И вьется что-то белое над ним
Как покрывало... Конь летит быстрее...
Знакомый конь!.. вот близко, прискакал...
Но вдруг затрясся, захрипел – и пал.

XXIV

Издохший конь недвижимо лежит,
На нем колеблясь блещет покрывало;
Черкесской пулей тонкий холст пробит:
Кровь запеклась на нем струею алой!
К коню в смущеньи Акбулат бежит;
Лицо надеждой снова заблестало:
«Спасибо, друг, не позабыл меня!»
И гладит он издохшего коня.

XXV

И покрывала белого конец
Нетерпеливой поднял он рукою;
Склонился – месяц светит: о творец,
Чей бледный труп он видит пред собою?
Глубоко в грудь, как скорпион, свинец
Впился, насытись кровью молодою;
Ремень, обвивший нежный стан кругом,
К седлу надежным прикреплен узлом.

XXVI

Как ранний снег бела и холодна,
Бесчувственнорука ее лежала,
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, играла.
С бесцветных уст, как слабый призрак сна,
Последняя улыбка исчезала;
И опустясь ресницы бахромой
Бездушный взор таили под собой.

XXVII

Узнал ли ты, несчастный Акбулат,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкий голос, чей веселый взгляд
Был одарен неведомою чарой,
Пленял тебя лишь день тому назад?..
Всё понял он – стоит над мертвой Зарой;
Терзает грудь и рвет одежды он,
Зовет ее – но крепок мертвый сон!

<XXVIII>

Да упадет проклятие людей
На жизнь Селима. Пусть в степи палящей
От глаз его сокроется ручей.
Пускай булат руке его дрожащей
Изменит в битве; и в кругу друзей
Тоска туманит взор его блестящий;
Пускай один, бродя во тьме ночной,
Он чей-то шаг всё слышит за собой.

<XXIX>

Да упадет проклятие аллы
На голову убийцы молодого;
Пускай умрет не в битве – от стрелы
Неведомой разбойника ночного,
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без крова;
Пусть зной палит и бьет его гроза
И хищный коршун выклюет глаза!

<XXX>

Когда придет, покинув выси гор,
Его душа к обещанному раю,
Пускай пророк свой отворотит взор
И грозно молвит: «Я тебя <не> знаю!»
Тогда, поняв язвительный укор,
Воскликнет он: «Прости мне! умоляю!..»
И снова скажет грешнику пророк:
«Ты был жесток – и я с тобой жесток!»

<XXXI>

И в ту же ночь за час перед зарей
С мечети грянул вещий звук набата.
Народ сбежался: как маяк ночной
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокруг нее огонь вился змеей,
Кидая к небу с треском искры злата;
И чей-то смех мучительный и злой
Сквозь дым и пламя вылетал порой.

<XXXII>

И ниц упал испуганный народ.
«Молитесь, дети! это смех шайтана!» –
Сказал мулла таинственно – и вот
Какой-то темный стих из алкорана
Запел он громко. Но огонь ревет
И мечется сильнее урагана
И, не внимая жалобным мольбам,
Расходится по крышам и стенам.

<XXXIII>

И зарево на дальних высотах
Трепещущим румянцем отразилось;
И серна гор, лежавшая в кустах,
Послышав крик, вздрогнула, пробудилась.
Ее невольно обнял тайный страх:
Стряхнув с себя росу, она пустилась,
И спавшие под сению скалы
Взвилися с криком дикие орлы.

<XXXIV>

Сгорел аул – и слух об нем исчез;
Его сыны рассыпаны в чужбине.
Лишь иногда в туманный день черкес
Об нем, вздохнув, рассказывает ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?..»
Хаджи Абрек*

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена – ручной булат;
Его мечеть – на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.
По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?
Нет, – только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждami чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,

И вокруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пень среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удадь мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,
В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшей
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он верно зрел, как дева рая
К нему слетала пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Всё, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее,
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен:
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шопот, –
И слабый крик, – и конский топот...
Бегу, и вижу, – под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятья.
Я с ним послал свои проклятья,
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот – здесь скрытом,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копытом.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удадь мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»
«Я!» – молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не садился
Ни разу даром на коня.

Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,
И об душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».
Взошла заря. Из-за туманов,
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый надулось,
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом,
По косогору едет шагом
Черкес на борзом скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив повода,
Красивой плеткой он махает,
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запевает.
И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.
Есть поворот – и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Гам, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он как под ногами
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул;
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата,
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалика?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках как метеор
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот – и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»
Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:

Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает,
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов...
Спрыгни же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!
«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость – подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не позабудь!»
Хаджи Абрек

Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.
Леила

Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?
Хаджи Абрек

«Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.
Леила

Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...
Хаджи Абрек

«Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?
Леила

Я счастлива...
Хаджи Абрек (тихо)

«Тем хуже!
Леила

А? что ты молвил?..
Хаджи Абрек

«Ничего!
Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним не тронуты доселе.
Стоят! Он странен, в самом деле!
Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?
Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;

В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой,
И тихо черными очами
Поводит, – и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой –
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе – всё мечта!»
Хаджи Абрек

Довольно! Перестань, Леила;
На миг веселость позабуди:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? отвечай.
Леила

Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.
Хаджи Абрек

Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?
Леила

К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне, – счастье только там,
Где любят нас, где верят нам!
Хаджи Абрек

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто всё похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любви,
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладострастье,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно;
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мщенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!
Леила

Ты бледен?
Хаджи Абрек

□□□□Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он, – так было суждено, –
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,

Как зверь лесной, – врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О, нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..
Пора! я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидел твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело..
Валлах! исполню клятву смело!
Как зимний снег в горах, бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;
Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! ничего не значут
Невинных слезы пред тобой?
О, сжался!.. Говори – как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..
Оставь мне жизнь! оставь мне младость!
Ты знал ли что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим как я?.. О, верно нет!»
Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.
«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!
Ах!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хоть час один... одно мгновенье!..»
Блеснула шашка. Раз, – и два!
И покатила голова..
И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвее
Обтер волнистою косою.
Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел, и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, – ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит,
И мчится в горы как стрела.
Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут как змеи облака:
Игру бессвязную заводят,

В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листы.
Ручей катится, – мутный, серый;
В нем пена бьет из-под травы;
И блещет сквозь туман пещеры
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе во след еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но, если можешь ты молиться,
То не мешало бы – теперь.
«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный потоком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой, в поле брани,
Стирал я кровь с могучей длани;
В степи глухой, в недобрый час,
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.
Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжело дышишь подо мной?
Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрят,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;
Заблещут, издали мелькая,
Огни джегатских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов;
И кони вокруг тебя столпятся...
Но стоит мне лишь приподняться;
Они в испуге захрапят,
И все шарахнутся назад:
Они почуют издалека,
Что мы с тобою дети рока!..»
Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.
«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет как свет очей».
И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»
Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;
Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл;
Открыл, – и дар его кровавый

Скатился тихо на траву.
Несчастный видит, – боже правый!
Своей Леилы голову!..
И он, в безумном восхищенье,
К своим устаем прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.
Довольно люди <i> печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалось вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, которой до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.
Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня, –
И быстро в горы удалился.
Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая путники нашли,
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали, костенея,
Два друга с виду, – два злодея!
Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что всё грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

Комментарии

Тексты поэм М. Ю. Лермонтова воспроизводятся в настоящем томе по автографам и авторитетным копиям.

Две поэмы публикуются по следующим печатным источникам:

1. Первое отдельное издание: «Ангел смерти. Восточная повесть. Соч. М. Ю. Лермонтова. Карлсруэ. 1857».
2. «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. I, стр. 81–94 («Хаджи Абрек»).

Наиболее значительная часть рукописных текстов поэм М. Ю. Лермонтова, входящих в настоящий том, расположена в его тетрадях, которые хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. [17] Это тетради №№ III, V, XX, XXI, поступившие в 1917 г. из Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище, и тетрадь XXI-а (так называемая Казанская тетрадь).

Наряду с собранием автографов и копий поэм М. Ю. Лермонтова, которыми располагает Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, к изданию привлечено собрание рукописей поэта, находящихся в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) [18] В состав этого собрания входят: авторизованная копия поэмы «Черкесы» и выписки В. Х. Хохрякова из утраченного автографа поэмы «Измаил-Бей».

По авторизованной копии, хранящейся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва), печатается поэма «Две невольницы».

В подготовке текстов, вариантов и примечаний третьего тома участвовали: К. Н. Григорьян («Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек»), Т. П. Ден («Олег», «Два брата», «Последний сын вольности»), Г. А. Лапкина («Две невольницы»), Л. Н. Назарова («Исповедь», «Ангел смерти»), А. И. Перепеч («Корсар», «Преступник», «Литвинка», «Азраил», «Моряк»), Е. М. Хмелевская («Джюлио»).

Тексты Лермонтова печатаются по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка, характерных для эпохи 30–40-х годов прошлого века.

Все примечания редакции в тексте выделяются курсивом в круглых скобках.

В вариантах примечания редакции выделяются курсивом без скобок; слова текста, подчеркнутые автором, – разрядкой.

[]. В квадратные скобки заключаются слова, зачеркнутые автором и ничем не замененные. В тексте они приводятся только в том случае, если их отсутствие нарушает смысл или стихотворный размер.

< >. В угловые скобки заключаются слова, пропущенные в автографе, и части недописанных слов, легко восстанавливаемые по смыслу. Например: «Стремил мой <бег> меж островами».

<Не дописано. В тех случаях, когда незаконченное слово восстановить по смыслу невозможно, в угловые скобки заключаются слова: <не дописано>.

<?>. В тех случаях, когда чтение неразборчивого слова вызывает сомнение, в угловые скобки заключается знак вопроса.

<2 нрзб.>. В тех случаях, когда в автографе остаются неразборчивые слова, в угловые скобки заключается цифра, обозначающая количество неразобранных слов и сокращенное слово: нрзб.

* В тех случаях, когда в вариантах последнее чтение данной строки в черновом автографе или в копии не совпадает с основным текстом, в конце строки ставится звездочка, которая свидетельствует о том, что окончательное чтение данной строки установлено Лермонтовым в другой рукописи, позднейшей.

Варианты даются в случае сложных автографов (при наличии черновых, беловых с поправками) – по каждому документу в отдельности.

В сноску выносятся в вариантах разночтения отдельных слов и стихов, предшествовавшие чтению, помещенному в тексте вариантов; сноска применяется в тех случаях, когда наличествует несколько сложных редакций текста.

Список сокращений
Архивохранилища [19]

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

ЛБ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Книги

Соч. изд. Академической библиотеки в пяти томах – Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича, Академическая библиотека русских писателей, изд. Разряда изящной словесности Академии Наук, СПб., 1910–1913. Второе издание вышло в 1916 году без изменений.

Соч. изд. «Academia» – М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах, под редакцией Б. М. Эйхенбаума, «Academia», М. – Л., 1935–1937.

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail. r
Соч. под ред. Введенского – Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией Арс. И. Введенского в 4 томах, СПб., 1891.

Соч. под ред. Висковатова – Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, М., 1889–1891.

Соч. под ред. Дудышкина – Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. В двух томах. СПб., 1860. Издание второе, сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, вышло в 1862 году и без изменений повторилось в 1863 году.

Поэмы

Черкесы (стр. 7)

Печатается по авторизованной копии – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 9, лл. 1–9.

На обложке рукописи надпись рукой Лермонтова: «В Чембар за дубом». На л. 5 рукой Е. А. Арсеньевой против отчеркнутых стихов 107–132 написано: «Зиновьев нашел, что эти стихи хороши». Отмеченные стихи являются перефразировкой отдельных строк из поэмы И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая». Зиновьев Алексей Зиновьевич – учитель Лермонтова в благородном пансионе.

На обороте форзаца переплетенной тетради с автографами поэм «Кавказский пленник» и «Корсар» – ИРЛИ, оп. 1, № 1 – нарисован Лермонтовым титульный лист поэмы «Черкесы». Наверху изображена лира с венками по сторонам, под заглавием – скрещенные пистолеты. Ниже – эпитафия из эпилога поэмы Пушкина «Кавказский пленник»:

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ, –
– Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
...И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..
А. Пушкин.

В настоящее издание эпитафия не введен, так как он отсутствует в авторизованной копии.

Автограф не сохранился.

В стихах 143, 150, 195, 248 нарушен размер четырехстопного ямба, которым написана вся поэма. В стихе 36 нами исправлена описка: в авторизованной копии – «Не спит», печатаем – «Не спи».

Впервые опубликовано в отрывке (от половины 1-го до 44-го стиха), с некоторыми отступлениями от текста в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 3–4). Полностью – тоже с небольшими изменениями текста – в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 164–172).

Датируется летом 1828 года на основании собственноручной надписи Лермонтова на обложке рукописи: «В Чембар за дубом». В Чембарах (уездный город в Пензенской губ., ныне город Белинский) жил поэт вместе с бабушкой в летние месяцы 1828 года. Осенью того же года он поступил в Московский университетский пансион. После поступления в пансион, насколько известно, в Чембары он более не ездил. В тетради с титульным листом поэмы, на соседней странице, на титульном листе «Кавказского пленника» написано: «Москва 1828».

Сохранилось свидетельство Лермонтова о том, что он стихи начал писать с 1828 года. Поэма «Черкесы» относится к его ранним поэтическим опытам. В своих первых поэмах четырнадцатилетний Лермонтов сознательно подражал литературным образцам. Он иногда заимствовал у других поэтов отдельные стихи и выражения или же перефразировал их: так стихи 1–2, 32–40 близки к поэме Пушкина «Кавказский пленник»; 16–23 – к сказке И. И. Дмитриева «Причудница»; 28 – к поэме Байрона «Абидосская невеста» в переводе И. И. Козлова; 103–104, 111–112, 133–138 – к поэме И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»; 176–178, 181, 184–190 – к стихотворению И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы»; 197–207,

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*.
216–221 – к поэме Парни «Иснель и Аслега» («Сон воинов») в переводе К. Н. Батюшкова.

Стих 243. Лоар (Луара) – река во Франции.

Кавказский пленник (стр. 16, 283)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 1 (переплетенная тетрадь), лл. 2 – 27. Там же автограф поэмы «Корсар» и титульный лист поэмы «Черкесы» (см. примечания к поэмам «Черкесы» и «Корсар»).

Перед текстом поэмы титульный лист («Кавказский пленник. Сочинение М. Лермантова. Москва. 1828») и акварельный рисунок Лермонтова – всадник на фоне горного пейзажа с пленником на аркане. Текст поэмы заключается словом «Конец».

Впервые опубликовано в отрывках (стихи: 1–9, 17–35, 54–65, 70–74, половина 85 – 109, 319–346, 367–370, 437–438, 455–458, 461–468, половина 489–505, 511–518, 529–531, 539 – до половины 544, 547–548, 557–558, 561, 565–578, 582, 598–605) с искажениями и опечатками в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 5 – 12). Полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 133–151) с пропуском стихов 129–130.

В стихе 447 нами исправлена описка: в автографе – «темной», печатаем – «тесной».

Датируется 1828 годом по автографу.

В этом раннем поэтическом опыте Лермонтов (как и в «Черкесах») сознательно подражает любимым поэтам и прежде всего Пушкину. Характер подражания самый различный: с изменениями и вариациями повторяется сюжет пушкинской поэмы, перефразируются, а иногда и прямо заимствуются отдельные поэтические выражения. Таковы стихи: 1 – 16, 33–34, 38–39, 119–128, 134–143, 179–184, 204–209, 226–228, 233–234, 276–277, 283–294, 299, 332–342, 347–350, 382–383, 438–444, 455, 485–488, 491–495, 516–523, 553–556, 570.

Стихи 578–589 и 600–605 по содержанию и отдельными выражениями близки к поэме Байрона «Абидосская невеста» в переводе И. И. Козлова (Песнь вторая, XXV и XXVII).

Несмотря на подражательный характер поэмы, в ней достаточно отчетливо вырисовываются оригинальные черты поэзии Лермонтова, особенно наглядные в пейзажных зарисовках.

Эпиграф взят из стихотворения немецкого поэта Карла-Филиппа Конца (1762–1827) «Das Orakel der Weisheit» (1791), причем стихи Конца подверглись переработке. В оригинале немецкого стихотворения (Gedichte von Carl Philipp Conz, zweiter Band, bei Heinrich Laupp, Tübingen, 1819, стр. 138) читается:

Glaube, lieb' und hoffe!
Hoffe, lieb' und glaube!
Duld' und entbehre!
Freu' dich und leide!
Верь люби и надейся!
Надейся, люби и верь!
Терпи и переноси лишения!
Радуйся и страдай!
Корсар (стр. 37, 283)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 1 (переплетенная тетрадь), лл. 28–43. Там же автограф поэмы «Кавказский пленник» и титульный лист поэмы «Черкесы» (см. примечания к поэмам «Черкесы» и «Кавказский пленник»).

На л. 28 крупными буквами выведено заглавие: «КОРСАР», на л. 29 – титульный лист («Поэма Корсар. Сочинение М. Лермантова»), на обороте – эпиграф, на л. 30 об. – рисунок тушью и акварелью, изображающий двух детей, охраняемых двумя ангелами. Под рисунком подпись: «Невинность всегда охранена». Рисунок по содержанию относится к началу поэмы. Стихи 384–395 заключены в квадратные скобки.

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 33, лл. 73–81 об. (текст тождествен автографу, но без эпиграфа).

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов *lermontovmikhail.r*.
Впервые отрывки из поэмы (эпиграф и стихи: 1 – 18, 23–26, 41–48, 60–64, 114–116, 134–138, 161–178, 183–186, 190–194, 202–209, 216–221, 224–227) опубликованы в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 11–14, статья С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»); первая полная редакция – в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 152–163) и в Соч. под ред. Введенского (т. 2, 1891, стр. 329–336).

В настоящем издании исправлены описки автографа.

Стих 238 исправлен по тексту поэмы Байрона в переводе Козлова «Абидосская невеста», откуда взят этот стих.

Датируется 1828 годом по нахождению в тетради рядом с «Кавказским пленником».

«Корсар» создан под значительным воздействием поэм Пушкина. Стихи 4–8 и 398–400 взяты из «Братьев разбойников», стихи 61–62 – из «Кавказского пленника». Мотивы Греции и греческих корсаров, возможно, вызваны политическими событиями русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

Есть в поэме реминисценции из поэм Козлова. В стихах 236–245 – из его перевода «Абидосской невесты», в стихах 23–24, 115–116, 140–141 – из «Чернеца» и в стихах 300–303 – из «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой». Стихи 330–336 – из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» 1746 г.

Эпиграф взят Лермонтовым из французского романа Лагарпа «*Néro et Léandre*». Французский текст изменен применительно к содержанию поэмы. У Лагарпа (*La Harpe. Œuvres*, t. 3, Paris, 1820, стр. 471) читаем:

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce trajet si dangereux.
Las! il devint trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.
Долго ему благоприятствовало счастье
На таком опасном пути.
Увы! он стал чрезмерно смелый,
Потому что был чрезмерно счастливым.

Стих 161. Геллеспонт – древнегреческое название Дарданельского пролива. В данном случае речь идет о прилегающей к нему северной части Эгейского моря.

Стих 164. Афос – греческая форма названия горы Афон.

Стих 177. Лемос (правильно: Лемнос) – остров в северной части Эгейского моря, западный берег которого виден с Афона.

Преступник (стр. 51, 283)

Печатается по автографу – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 1–6). Текст поэмы заключается словом «Конец».

Имеются копии – ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 1–8 (копия с автографа из тетради Солоницкого, с исправлениями П. А. Висковатова) и ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 65, лл. 152–159, с искажением стиха 161: вместо «Пришло Иуде наказанье» написано «Пришло беде и наказанье».

Впервые опубликовано (с пропуском стихов 77–78) в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 22–26, статья С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»).

В автографе имеются описки, исправленные в настоящем издании.

Стих 142 во всех предыдущих изданиях печатался в исправлении Висковатова: «Среди снедающих пожаров», причем в вариантах приводилось неправильное чтение автографа, нарушающее размер стиха: «В зареве снедающих пожаров».

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради Солоницкого.

В данной поэме можно заметить некоторое влияние поэмы Пушкина «Братья разбойники».

Олег (стр. 57, 284)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 15–19.

Текст автографа представляет собой три самостоятельных варианта начала поэмы. Ни один из них не имеет законченного характера. I вариант написан «онегинской» строфой, два других – вольной рифмовкой четырехстопного ямба. В I варианте две строфы помечены цифрами 1 и 2; после второй строфы стоит номер 3 следующей строфы, но вместо этого проведена черта и начат новый вариант, причем повторено название «Олег»

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 34, лл. 36 об. – 39 (текст тождествен автографу, но без черновых разночтений и с рядом описок).

Впервые опубликован III вариант с пропуском стихов 11–20 и мелкими опечатками в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 34, статья С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»). Отрывок из второй части I варианта (стихи 15–22) впервые напечатан в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 23) с опечаткой в стихе 15: вместо «теплым» напечатано «темным».

Полностью все три варианта опубликованы в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 17–20).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Возможно, что замысел поэмы возник осенью 1829 года в связи с приближением русских войск к Константинополю во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

Во II варианте (стих 38) и в III варианте (стих 31) допущена историческая неточность: набеги печенегов начались только при Игоре, после смерти Олега.

Трактовка образа Олега как мстителя (вариант III, стих 36) совпадает с пушкинской (см. «Песнь о вещем Олеге»).

Два брата (стр. 61, 285)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 19 об. – 21.

Против стихов 19–25 чьей-то рукой (возможно Лермонтова) сделана помета: «Contre la morale» («Против нравственности»), и эти стихи подчеркнуты чернилами. Поэма не закончена.

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 34, лл. 39 об. – 41 (текст тождествен автографу, но без черновых разночтений и с описками).

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 30–32).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В стихах 41–48 чувствуется некоторая зависимость от VI главы «Евгения Онегина».

Две невольницы (стр. 64)

Печатается по авторизованной копии – ЛБ, М.8228.45, лл. 1–2.

Название поэмы и эпиграф приписаны рукой Лермонтова.

Впервые опубликовано в газете «Русск. слово» (1910, № 66, 21 марта) и одновременно в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 1, 1910, стр. 186–188).

Датируется предположительно 1830 годом.

Эпиграф – из трагедии Шекспира «Отелло», действие III, сцена 3, слова Яго.

Имена Заира, Гюльнара встречались в художественной литературе, посвященной восточной теме. Заира – героиня одноименной трагедии Вольтера. Гюльнара – героиня поэмы Байрона «Корсар».

На замысле поэмы сказалось влияние «Бахчисарайского фонтана» Пушкина.

Джюлио (стр. 67, 285)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 5 (тетрадь V), лл. 1 – 13.

На первом листе рукописи на месте заглавия рукой Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)». Рядом, в верхнем правом углу листа запись: «(великим постом и после). Я слышал этот рассказ от одного путешественника». На л. 2 об., после стиха 66, которым заканчивается вступление, следует название поэмы: «Джюлио (повесть. 1830 год.)». В данном издании название помещено перед вступлением.

Впервые отрывок из поэмы (стихи 1 – 49) опубликован с незначительными искажениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 91–92) и полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 184–199).

В рукописи отсутствует предпоследний лист, поэтому после стиха 516 пропуск примерно 44–45 стихов, обозначенный в настоящем издании строкой точек.

Датируется 1830 годом, как указано в заглавии рукописи.

Стихи 212–219, заключенные в кавычки, – вольное переложение двух строф оды XVI Горация II книги: «Ни царские сокровища, ни пучки консульского ликтора не отгонят ни жалкое смятение души ни заботы, витающие под резным потолком... Порочная тоска подымается на суда, обшитые медью, не оставляет отряды всадников, она быстрее оленей, быстрее Эвра, гонящего тучи».

Стихи 159–160, 342–347 и 489–492 целиком или с небольшими изменениями вошли в поэму «Литвинка» (см. стр. 227, стихи 49–50, стр. 237, стихи 359–366 и стр. 236–237, стихи 345–348). Стихи 293 и 489–490 вошли в стихотворение «1831-го июня 11 дня» (см. т. I настоящего издания, стр. 184, стих 195 и стр. 183, стихи 186–188), стих 293 вошел также в поэму «Измаил-Бей» (см. стр. 221, стих 2181).

Исповедь (стр. 80, 287)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова – ирли, оп. 4, № 26 (тетрадь II), лл. 2 об. – 5 – и по черновому автографу – ирли, оп. 1, № 26 (отдельный листок).

Копия Хохрякова снята с авторизованной копии, в которой отсутствовал первый лист со стихами 1 – 60. В настоящее время местонахождение авторизованной копии не известно (см. Соч. изд. «Academia», т. 3, 1935, стр. 564). Стихи 61 – 195 расположены на лл. 3 об. – 5. Стихи 196–226 – на лл. 2 об. – 3.

Черновой автограф содержит отрывки поэмы: стихи 1 – 110 и 180–193. В настоящем издании по черновому автографу печатаются недостающие в копии Хохрякова стихи 1 – 60. Последняя редакция чернового автографа почти полностью совпадает с текстом копии Хохрякова.

Впервые опубликовано П. А. Висковатовым в «Русск. старине» (1887, т. 56, № 10, стр. 112–119) с небольшими отклонениями от текста.

Датируется 1829–1830 годами предположительно, исходя из соображений, высказанных П. А. Висковатовым при публикации поэмы «Исповедь». Он считает, что поэма могла быть написана в одно время с первым наброском «Демона» и драмой «Испанцы», датировка которых относится к 1829–1830 годам. Висковатов сближает эти произведения, так как местом действия всех трех поэм является Испания.

Замысел «Исповеди» получил дальнейшее развитие в поэмах «Боярин Орша» и «Мцыри».

Вариант стиха 2 («Шумел, бежал Гвадалкивир») восходит к строкам из стихотворения Пушкина «Ночной зефир».

Каллы (стр. 91, 289)

Печатается по авторизованной копии – ирли, оп. 1, № 23, лл. 1–3 об. – и по копии со списка В. Х. Хохрякова – ГПБ Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 64, лл. 15 об. – 20.

В авторизованной копии рукой Лермонтова написаны подзаголовки, примечание к названию поэмы и эпиграф. Авторских исправлений в тексте нет. Недостаёт последнего листа. Текст обрывается на 146 стихе.

Следующие стихи 147–152 печатаются по копии со списка В. Х. Хохрякова. В списке пробел: оторван угол листа, и по этой причине из заключительной части выпали десять строк (после стиха 146; в настоящем издании это место отмечено строкой точек). В копии воспроизведены только сохранившиеся начальные слова этих десяти строк: Быть может в его чертах Следы страда Но укрывал Под башлы Он не госп И верно б На том к Встречал ли Ему открыт был

Здесь же рукой Хохрякова помечено: «Оторвано».

До 146 стиха текст авторизованной копии и копии со списка Хохрякова совпадают.

Есть еще одна копия с надписью: «От Хохрякова» – ИРЛИ, оп. 2, № 45. Ее первоначальный текст совпадает с копией со списка Хохрякова в ГПБ. Текст копии подвергся позднейшей значительной правке, принадлежащей Висковатову. Перед текстом карандашная помета Висковатова: «Поправки по рукописи Верещагиной». Правка произведена карандашом. Десять оборванных строк после стиха 146 дополнены и против VI раздела еще указано: «в бумагах Верещагиной».

Трудно теперь установить, действительно ли Висковатов правил текст и восполнил недостающие строки по «рукописи Верещагиной». Известно, что иногда он допускал грубые искажения лермонтовских текстов, и потому нет достаточных оснований считать, что данная правка действительно произведена по последней редакции, которую Висковатов нашел «в бумагах Верещагиной».

Впервые опубликовано начало поэмы (стихи 1 – 37) в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 292–293), полностью – в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 697–700), где воспроизведен текст копии Висковатова (ИРЛИ, оп. 2, № 45) с произвольными отступлениями от нее в отдельных стихах.

Датируется предположительно 1830–1831 годами.

Каллы (от турецкого «канлы» – кровавый) – убийца, кровомститель.

Эпиграф взят из поэмы Байрона «Абидосская невеста», 1 песня, I, стихи 16–19.

Последний сын вольности (стр. 97, 291)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 46, 18 лл. В посвящении имя Н. С. Шеншина заключено в скобки.

Впервые опубликовано в газете «Русск. слово» (1910, № 65, 20 марта) и одновременно в Соч. изд. Академической библиотеки (т. I, 1910, стр. 225–253).

Датируется предположительно первой половиной 1831 года. Ранее 1830 года поэма не могла быть написана, так как в ней имеется реминисценция из VII главы «Евгения Онегина» (стих 109), вышедшей в свет в марте 1830 года. Эта же строка Пушкина повторена в стихотворении Лермонтова «Наполеон», написанном в марте – апреле того же 1830 года (см. том I настоящего издания, стр. 102, стих 10). Не могла быть написана поэма и позднее 1831 года, так как в конце тетради, вслед за поэмой приписано стихотворение «Романс к И...», датированное 1831 годом (см. том I настоящего издания, стр. 417).

Вадим Храбрый упоминается в Никоновской летописи, где сказано, что вместе со своими сподвижниками он погиб от руки Рюрика, защищая независимость Новгорода. Вадиму посвящен ряд вольнолюбивых произведений, начиная со второй половины XVIII века; для декабристов он служил символом борьбы за политическую свободу. В поэме отсутствуют явные реминисценции из декабристской поэзии и нет оснований утверждать, что Лермонтов был знаком со списками этих произведений, не напечатанных при его жизни, однако трактовка образа Вадима как борца за вольность народную и характеристика эпохи в поэме Лермонтова по своим освободительным устремлениям находились в тесной зависимости от идей передовой литературы века.

Николай Семенович Шеншин, в автографе Шиншин (1813–1835), которому посвящена поэма, – друг Лермонтова университетской поры, поступивший одновременно с ним в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Эпиграф – из поэмы Байрона «Гяур», стих 6.

Заметна некоторая связь поэмы (стихи: 137–151, 629–635, 765–802, 834–847) с повестью Карамзина «Марфа Посадница».

Стих 116. Ингелот – имя, встречающееся у Карамзина в «Истории Государства Российского». В тексте договора с греками в числе подписей русских послов стоит имя Ингелота.

Стихи 273 и 280–281 с незначительными изменениями перенесены из стихотворения Лермонтова «Ночь» (см. том I настоящего издания, стр. 163, стих 20 и стр. 164, стихи 39–40).

Заключительная цитата взята из поэмы Оссиана «Картон».

<Азраил> (стр. 124, 291)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (XX тетрадь), лл. 27 об. – 31.

В копии нет названия.

Имеется копия начала поэмы (стихи 1 – 37) рукою А. Закревского – ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 124 (альбом Ю. Н. Бартенева), лл. 181–183.

Копия Закревского датирована 15 августа 1831 года.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. спр. листке» (1876, № 43, стр. 1–2) с небольшими неточностями.

Датируется 1831 годом (до августа) по положению копии поэмы в тетради XX вслед за стихотворением «1831-го января» и по дате в альбоме Ю. Н. Бартенева.

Замысел поэмы Лермонтов развил в «Ангеле смерти» и «Демоне».

Азраил – ангел смерти (у мусульман).

Ангел смерти (стр. 132, 292)
Печатается по первому отдельному изданию: «Ангел смерти. Восточная повесть. Соч. М. Ю. Лермонтова. Карлсруэ. 1857».

На титульном листе имеется примечание: «Печатано с тетради, писанной собственною рукою автора и хранящейся у одной из его родственниц, имени которой и посвящена эта повесть. „1831 года сентября 4-го дня"». Поэма обращена к Александре Михайловне Верещагиной (род. в 1810 г., впоследствии баронесса Гюгель), родственнице и приятельнице Лермонтова. По словам П. А. Висковатова, «Ангел смерти» был издан родственником поэта А. И. Философовым («Русская мысль», 1884, апрель, стр. 76). В настоящее время местонахождение тетради не известно.

Сохранился черновой автограф, представляющий собой более раннюю редакцию, – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 10 об. – 19 об., в котором посвящение (стихи 1 – 12) следует после текста поэмы. В той же тетради имеется план поэмы (см. настоящее издание, т. VI). Впервые полностью опубликован в Соч. изд. Академической библиотеки (т. I, 1910, стр. 313–328).

Датируется 1831 годом по нахождению чернового автографа в тетради XI среди стихотворений, относящихся к тому же времени, и на основании примечания, которым снабжен титульный лист первого издания поэмы.

Стих 104 взят из посвящения к «Полтаве» Пушкина; стих 289 – из «Цыган» Пушкина.

Моряк (стр. 149, 303)
Печатается по факсимиле авторизованной копии, воспроизведенному в «Русск. библиофиле» (1913, № 1, стр. 14–15).

Автограф не известен.

Текст поэмы заключается словом «Конец».

собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail.r*.
Название поэмы, эпиграф (из «Корсара» Байрона, стихи 1–4), дата и исправления в стихах сделаны Лермонтовым. Им же приписана в конце латинская фраза «*Sic transit gloria mundi*» («Так минует мирская слава»),

Впервые по не дошедшему до нас источнику в сокращенной редакции (стихи: 1 – 18, 33–36, 43–48, 63–96 и 105 до конца) опубликовано в сборнике «Раут» (М., 1851, стр. 197–199) под заглавием: «Моряк. Отрывок из стихотворения М. Лермонтова». По авторизованной копии – в Соч. изд. Академической библиотеки (т. V, стр. 236–238).

Датируется 1832 годом на основании пометы на авторизованной копии, сделанной рукой Лермонтова.

Измаил-Бей (стр. 153, 303)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 2, № 67 (отдельная тетрадь) – и по выпискам В. Х. Хохрякова из утраченного автографа – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 56.

По авторизованной копии печатается текст, кроме стихов 33–36. По выпискам В. Х. Хохрякова – заголовки частей, эпиграфы и стихи 33–36.

На обложке авторизованной копии приписка к названию поэмы: «Копия с рукописи М. Ю. Лермонтова. От А. А. Краевского». В тексте исправления рукой Лермонтова.

На обложке тетради с выписками В. Х. Хохрякова – надпись, воспроизводящая почерк Лермонтова: «Измаил-Бей. Восточная повесть 1832 год. 10 мая. М. Лермантов». На обороте обложки карандашный рисунок, изображающий горца, очевидно – копия с рисунка Лермонтова. На л. 2 текст посвящения и надпись, тоже воспроизводящая почерк Лермонтова: «М. Lerma». На лл. 3 – 12 текст первоначальной редакции 26 главы I части (см. «Варианты», стр. 303–304).

Имеется черновой автограф посвящения – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (Казанская тетрадь), л. 11.

Текст автографа, состоящий из 20 стихов, первоначально имел название «Вдохновенье». Повидимому, это было самостоятельное лирическое стихотворение. Впоследствии Лермонтов зачеркнул название, заменив его словом «Посвященье». Стихи 1 – 12 вошли в качестве посвящения в поэму «Измаил-Бей». Остальные 8 стихов не вошли в посвящение. Повидимому, они относятся к В. А. Лопухиной. Эти не вошедшие в текст поэмы 8 стихов приведены в разделе вариантов (стр. 305).

Автограф всей поэмы не известен.

Впервые опубликовано по авторизованной копии в «Отеч. записках» (1843. т. 27, № 3, отд. I, стр. 1 – 25) с неточностями и пропусками цензурного характера (стихи: 54, 149–169, 171, 182–189, 235–252, 271–329, 334–348, 803–838, 841–845, 965–968, 1023, 1193, 1223, 1231–1237, 1503–1512, 1538–1543, 1709, 1985–1987, 2139–2142, 2214–2215, 2272–2289), а также с пропуском стихов 33–36.

В Соч. под ред. Висковатова (т. 2, 1889, стр. 70 – 136) поэма опубликована с учетом выписок Хохрякова (даны эпиграфы и названия частей) и чернового автографа из Казанской тетради (посвящение напечатано полностью в составе 20-ти стихов). В тексте имеются и необоснованные отступления от авторизованной копии.

Первая редакция 26-й главы первой части впервые опубликована в «Сборнике статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова» (Л., 1934, стр. 475–476).

В настоящем издании исправлены описки авторизованной копии.

Датируется 1832 годом на основании надписи на тетради с выписками В. Х. Хохрякова: «1832 год 10 мая», а также потому, что в этой же тетради переписаны стихотворения, относящиеся к концу 1832 года, близкие по мотивам к «Измаил-Бей» («Люблю я цепи синих гор», «Прощание», «Ты идешь на поле битвы», «Синие горы Кавказа, приветствую вас»).

Сюжет поэмы в известной степени связан с реальными историческими событиями, происходившими на Кавказе в начале XIX века. Некоторые факты, рассказанные в поэме, совпадают с биографией кабардинского князя Измаил-Бея Атажукова.

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru.
Измаил-Бей Атажуков продолжительное время находился в русской армии, участвовал в войне с турками и был награжден за штурм Измаила. Возможно, что Лермонтов знал и народное предание об Измаил-Бее. В создании образа Росламбека Лермонтов, повидимому, также пользовался сведениями о реальном лице – Росламбеке Мисостове, сыгравшем важную роль в событиях в Кабарде в начале XIX века. Однако Лермонтов не преследовал цели с точностью воспроизводить события эпохи и биографии исторических лиц (подробнее см. в книге: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1954). После стиха 12 следует эпиграф к части первой, взятый из поэмы Байрона «Гяур», стихи 505–506.

Стихи 408–415 с некоторыми изменениями вошли в поэмы «Аул Бастунджи» (см. стр. 245, стихи 51–56), «Мцыри» (см. том IV настоящего издания, стихи 617–629), «Демон» (см. том IV настоящего издания, стихи 1092–1098).

После стиха 780 следует эпиграф части второй, взятый из поэмы Вальтер-Скотта «Мармион», песнь III, строфа III.

Стихи 931–954. Черкесская песня – в основе ее лежит русская народная песня «Ты дума моя, думушка» (Собр. разных песен М. Д. Чулкова. СПб... 1770–1778, ч. 3, стр. 587), в которой есть строки:

Не женись ты добрый молодец,
А на те деньги коня купи...

Ср. «Герой нашего времени» – «Бэла», песня казбича. После стиха 1502 следует эпиграф к третьей части, взятый из поэмы Байрона «Лара» (2 песня, XXII, стихи 1173–1176).

Стих 1708. Осаевское Поле – в начале XIX века так именовалась равнина, лежащая вдоль берега реки Асса.

Стих 1775. «Песня Селима» с некоторыми изменениями включена Лермонтовым в поэму «Беглец» (см. т. IV настоящего издания стихи 77–97).

Стих 1935. Трамских табунов – аул Трам, существовавший до 1818 года, славился своими конями. Аул этот находился вблизи Константиногорской крепости (по дороге к Кисловодску), построенной в 1780 году русскими военными властями у подножия Бештау.

Стих 1999. Ширванские полки – Ширванский 84 пехотный полк был образован из частей Азовского и Казанского полков. Ширванский полк особо отличился в войнах с Персией и Турцией 1826–1829 годов.

Литвинка (стр. 226, 305)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 а (Казанская тетрадь), лл. 1–9.

Стихи 511–524 написаны рукой Лермонтова.

Имеются копии – ИРЛИ, оп. 2, № 46, лл. 1 – 23; № 48, л. 1–8 и ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 64, лл. 1 – 14 – текст Казанской тетради, с небольшими разночтениями.

Стих 426 до сих пор печатался: «Проклятье произнеть, но не успел». В настоящем издании эта строка печатается точно по тексту авторизованной копии: «Проклятье произнеть, но не умел».

Впервые опубликовано в отрывках (стихи 1 – 32, 71 – 100, 467–491) в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 287–290), полностью – в «Русск. старине» (1882, т. 36, № 12, стр. 685–696), где по сообщению П. Е. Ефремова воспроизведено по копии ГПБ; одновременно в «Русск. мысли» (1882, № 12, стр. 1 – 15) опубликовано П. А. Висковатовым с произвольными отступлениями от текста в стихах: 14, 17, 18, 22, 33, 39, 44, 49 и др.

Датируется 1832 годом по нахождению в Казанской тетради. На обложке тетради указан 1832 год, и после текста поэмы следуют стихотворения этого же года.

Стихи 49–50, 345–348, 359–366 в несколько измененном виде перенесены из поэмы «Джюлио» (см. стр. 72, стихи 159–160, стр. 81, стихи 489–492, стр. 77, стихи

собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов (Lermontovmikhail.r 342–347). Стихи 345–348 имеются и в стихотворении «1831-го июня 11 дня» (см. т. I настоящего издания, стр. 183–184, стихи 186–190).

Аул Бастунджи (стр. 243, 306)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 22, лл. 1 – 10. Впервые опубликовано в отрывках (стихи 33–64) в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 290–292), полностью – в «Русск. мысли» (1883, т. 2, стр. 3 – 23) опубликовано П. А. Висковатовым с неточностями и отступлениями от текста.

Датируется предположительно 1832–1833 годами.

Обычно принято считать, что поэма написана раньше «Измаил-Бея». В. Х. Хохряков считает дату 1832 года, стоявшую на имеющемся у него списке, вполне достоверной. Автограф позволяет несколько уточнить время создания поэмы. На обороте последнего листа рукописи находится черновик стихотворения «На серебряные шпоры». Стихотворение «На серебряные шпоры» относится к юнкерским годам. Следовательно, «Аул Бастунджи» можно датировать концом 1832 – началом 1833 года.

Стихи 51–56, 75–76, 79–80, 82–85 полностью или частично совпадают со стихами из «Измаил-Бея» (см. стр. 166, стихи 408–415, стр. 180, стихи 858–859, 850–851, 865–868); стихи 51–56 затем перешли в «Мцыри» (см. том IV настоящего издания, стихи 617–629) и в «Демон» (см. том IV настоящего издания, стихи 1092–1098).

Аул Бастунджи реально существовал и находился близ Бештау, развалины его Лермонтов видел. В ауле жили ногайцы вместе с черкесами и абазинцами. «Бастунджи» (вернее «бустанджи» или «бостанджи») означает «огородник» или «садовник» от слова «бустан» или «баштан» – «огород».

Бештау – в русском переводе означает «Пять гор». События, описанные Лермонтовым в поэме, происходят в Пятигорье, местности, прилегающей к Машуку и Бештау.

Стих 359. Симун – то же, что самун (simoun – франц.).

Хаджи Абрек (стр. 267)

Печатается по журналу «Библиотека для чтения» (1835, т. XI, отдел I, стр. 81–94).

Автограф не известен.

Датируется 1833 годом на основании воспоминаний товарища Лермонтова по юнкерской школе А. Меринского: «В юнкерской школе он написал стихотворную повесть (1833 г.) „Хаджи Абрек“» («Атеней», 1858, ч. 6, № 47, стр. 301).

«Хаджи Абрек» – первое печатное произведение Лермонтова. По свидетельству современников, поэма была опубликована помимо желания автора. Дальний родственник и товарищ поэта по школе Н. Д. Юрьев, после тщетных стараний уговорить Лермонтова печатать поэму, без его ведома передал рукопись «Хаджи Абрек» О. И. Сенковскому, который напечатал ее в «Библиотеке для чтения». А. П. Шан-Гирей, в своих воспоминаниях сообщая об этом, пишет: «Лермонтов был взбешен» («Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 737–738). Некоторые подробности этого эпизода сохранились также в воспоминаниях В. П. Бурнашева, который передает рассказ Аф. Ив. Синицына («Русск. архив», 1872, № 9, стр. 1776–1777). Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях А. Меринский.

Иллюстрации

1. М. Ю. Лермонтов. Портрет маслом П. Е. Заболотского, 1840 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

2. Титульный лист к поэме «Черкесы», 1828 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

3. Черкес. Рисунок маслом М. Ю. Лермонтова, <1838 г.>. Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

4. Акварельный рисунок М. Ю. Лермонтова к поэме «Кавказский пленник», 1828 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

5. Страница из поэмы «Корсар». Автограф М. Ю. Лермонтова, 1828 г. Институт

Собрание сочинений в шести томах. Том 3. Поэмы 1828–1834. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.r
русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

6. Страница из поэмы «Ангел смерти». Черновой автограф М. Ю. Лермонтова, 1837 г.
Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

7. Военно-Грузинская дорога близ Мцхета. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1837
г. Институт русской литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

8. Страница автографа из вступления к поэме «Аул Бастунджи». Институт русской
литературы Академии Наук СССР. Ленинград.

Выходные данные
Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

Редактор Издательства А. И. Соболева

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор Р. С. Певзнер

Корректоры Н. А. Браиловская и М. М. Гальперн

РИСО АН СССР № 5–5 в.

Подписано к печати 25/11 1955 г.

М-26015. Бумага 60×92/16.

Бум. л. 10 1/4. Печ. л. 20 1/2.

Уч. – изд. л. 15.88+7 вкл. (0.36 уч. – изд. л.).

Тираж 25 000.

Зак. № 1251.

Цена 15 руб.

1-я тип. Изд. Академии Наук СССР.

Ленинград, в. О., 9 линия, д. 12.

Примечания

1
Наслаждайся и страдай! Терпи и довольствуйся! Люби, надейся и верь!

2
Долго счастье ему благоприятствовало

В таком опасном ремесле.

Увы! он становится чрезмерно смелым,

Потому что был чрезмерно счастливым.

3
Избави, боже, от ревности. Отелло. В. Шекспир.

4
По-черкесски: убийца. (Примечание Лермонтова)
Страница 142

5

Вот край Востока; вот страна Солнца –

Может ли оно встречать улыбкой деяния, какие совершали его дети?

О! неистовы, как возгласы любовников при расставании,

Сердца, ими носимые, повести, ими рассказываемые.

6

Когда такой герой будет жить вновь?

7

Сказание седых времен!.. Деянья прежних лет и дней!..

8

На радостных волнах синего моря,

Где мысли наши, как море, безграничны, а души, как море, свободны, –

Куда только может занести нас ветер и где пенятся волны,

Там наши владения, там наша родина.

9

Так двигалась по земле дочь Черкесии

Прелестнейшая птица Франгистана.

10

Две главные горы. (Примечание Лермонтова).

11

Две главные горы. (Примечание Лермонтова).

12

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (Примечание Лермонтова).

13

Две горы, находящиеся рядом с Бешту. (Примечание Лермонтова).

14

Высокие души, по природной гордости и силе

Глубже всех чувствуют твои угрызения. Совесть!

Страх, как бич, повелевает низкой чернью,

Ты же – истязатель смелого!

15

Она не сказала, ни откуда она, ни почему она оставила

Всё для того, кто, казалось, с ней был тоже неласков.

Почему она любила его? Пытливый глупец! Молчи:

Разве человеческая любовь рождается по воле человека?

16

Наездники. (Примечание Лермонтова).

17

Л. Б. Модзалевский. Краткое описание автографов М. Ю. Лермонтова в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, II, 1950, стр. 5–22; перепечатано в издании: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, II, М. Ю. Лермонтов, М.–Л., 1953, стр. 7–29.

18

А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II, л., 1941.

19 Вслед за названием архивохранилища в примечании дается шифр, под которым хранится тот или иной источник. После шифра в скобках дано название рукописи, например: (тетрадь XI, альбом Н. И. Поливанова) и т. д.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!